

Руслан Захваткин

Литературный клуб Исеть

ПОЭМЫ

<http://literklubisety.ucoz.com>

2018

Захваткин Руслан (Ровный)

Ровный - это творческий псевдоним. 39 лет. Стихи пишу с 16 лет. К сожалению, я не профессиональный литератор, а всего лишь любитель, но творческий процесс создания литературного произведения захватывает меня целиком и не отпускает ни на миг. Посещал литературный клуб "Литературный чердак" в лит. институте им. Горького в Москве, работал внештатным корреспондентом в газете "Горняцкая смена" в Московском Горном университете, который и закончил по специальности Экономика предприятия горной отрасли. Веду страницы в литературной соц. сети Стихи.ру и Проза.ру с 2012 года. Пишу стихи и прозу. Последнее время более стихи, поскольку мне нравится ритм и я считаю, что формат стиха в наш век рациональнее передаёт дух произведения, замысел автора, раскрывает сюжетную линию, наполняя её изящной словесностью. Википедия - моя Муза. Я рифмую её энциклопедические выкладки на интересующие меня темы. По сути я не поэт, конечно, а рифмователь, стихотворец. Написал более 350 произведений в стихах, в том числе более десятка поэм на разную тематику.

Испанская поэма

Предисловие

Есть город удивительных историй,
Легенд и тайн задёрнут пеленой.
Размыт в нём, словно в дымке аллегорий,
В сфумато истончён его герой.

Черны глаза, как ночи в душном зное.
В них страстью затушёваны холсты
И чудится, что в темноты покрое
Ключ к сердцу спрятан женщины – мечты.

Её, как героиню Базиака,*
В душе вы освящаете, любя,
Но вас пленяет в пудре лунной мрака,
Желание, преграды истребя.

*Рене Базиак – автор произведения «Ночь в Толедо»

Она вам тихо шепчет ваше имя,
Но слышится лишь сердца рваный стук.
Вся лунным светом светится богиня
И сладостью пьяна любовных мук.

Что поднимается из ваших недр?
Цветенье сердца, чувственности нрав?
В том ключ моей истории в Толедо –
Двух жажд любовных амальгамный сплав.

I

Испанский рыцарь новой моды,
Народных чаяний кумир,
Плебейский баловень свободы,
Пришёл, как средь чумы на пир,

На берега красивой Тахо,
Цвели где маквис и тимьян.
Свой бенефис устроить махо
Решил в Толедо как смутьян.

Что в принца превратит неряху?
Ночь, плащ, на талии кушак,

Нож – саблезубая наваха,
Монтера, да стальной кулак.

Его отца – тореадора
Престиж и силу красоты,
Свистала знать конкистадоров.
Аделантадо бедноты

Во всём завидовали доны
И обожал простой народ,
Пылали страстью девы, жёны,
Законодательницы мод.

Он в знойном мареве Мадрида,
Как гладиатор в Колизей,
Шёл на арену для корриды,
Чтоб жизнью рисковать своей.

В пылу безумной круговерти,
Где ярость застилает взгляд,
С мулетой красной в пляске смерти
Свой махо совершал обряд.

И умирал ударом шпаги
Чудовищ буйные сердца,
Как Минотавра в час отваги
Тесей мечом своим пронзал.

Бык, словно Зевс, грозя наскоком,
Стремился жизнь его украсть,
Как финикийскую Европу.
Как к Пасифае свою страсть,

Он расточал в кругу арены
Жестокость бешенства в бегах
В час роковой кровавой сцены,
Жизнь перечёркивая в прах.

Фигурами Pase De Pecho,
Trinchera и El Natural
Бык мотадора искалечил
Смертельно, погрузив в печаль

Народ, что труп его укроет
Не в саван, а в капоте-плащ.

И кровь из ран слезами смоем
Поклонниц погребальный плач.

Элегии их завываний,
Гортанных, вдовьих, затяжных,
Утробной болью расставаний
Сердца разбередят живых.

II

Сын был подобран сарацином,
Мориско, увезён в Алжир,
К берберам, маврам, бедуинам,
Кто проклял христианский мир.

Идеи Нового Завета
Он заменил ему тогда
Рассказами о Новом Свете.
Как Вифлеемская звезда,

Зажглась надежда в сердце юном,
Превозмогая боль потерь,
Не только мстью жить угрюмой,
Но счастьем, хоть и не теперь.

Он воспитал юнца пиратом,
Кто как османский приватир
Громил испанские фрегаты
Под грохот пушек и мортир.

В прибрежных городах Европы
Подросший юноша искал
Девиц, красивых, волооких,
И их рабынями сбывал.

В любви как в страсти без причины
Всегда бывал без меры рьян.
С одной из них он стал мужчиной,
Влюбившись в её стройный стан.

Была кабилкой та особа.
Цены, как целый караван,
Весь в мараведи высшей пробы
Увешан праздничный тюрбан.

И амулет, что под гандурой
Корсар нащупал, чуя блажь,

Красы дурманящей фигуры
Был символ и надёжный страж.

Он жил с ней год, питая соки
Волшебной плотской красоты,
Что вызывала лишь пороки
И уводила от мечты.

И отпустил её свободной,
Хотя Османский халифат,
Чтоб обладать красой подобной,
Готов отдать был весь Багдад.

Стать видным капером на флоте
И жить торговлею рабов
Весь век в невольничьей охоте
Он не хотел и был таков.

Под всхлипы грустные Ребекки,
Что с бризом в море унеслись,
Он поднял парус на шебеке,
Во взрослую пускаясь жизнь.

Бежал назад на Пиренеи,
Где он с младенчества взрастал,
Куда к любимой Дульсинее
Кихот на Росинанте мчал.

Во всём там ловкие марраны,
Скрывали свой иудаизм,
Сорвал их расселений планы
Изгнаний тяжких катаклизм.

Где след отеческого праха
Давно в безвестности забыт
И лишь за поясом наваха,
Фамильной чести помнит быт.

Была честь попорана коварно
Соседом – другом для отца
И стала вещью антикварной
После кончины храбреца.

Поклялся сын найти соседа,
Восстановить себя в правах,

Вернуть свой титул и в Толедо
Захоронить отцовский прах

В именье предков, в склепе донов,
Вязь паутины опростав,
Где барельефная Мадонна
Лобзает в саване Христа.

Пролил слезу, как ангел падший,
Берберский пасынок, корсар
Над прошлым, выбрав в настоящем
Любовный плач ночных гитар.

Он, сын погибшего тореро,
Подрос, окреп и возмужал
И выглядел, как кабальеро,
Укрыв плащом отца кинжал.

Но прежде в лоно старой Церкви
Вошёл он, чтобы приучить
Себя к смиренью мнимой жертвы,
К врагу тем самым ближе быть.

И овладел мериллом пыток,
У ведьм вытаскивал ребро,
Оплавив тайну Евы в слиток,
Чумы с разврата серебром.

Служа мечом доминиканцам,
Познал карательный закон,
Чтобы с соседом поквитаться
Однажды смог достойно он.

Сбежал на лошади аллюром
Узнав, кто был его врагом,
Из башен монастырских хмурых
Наш махо в сумерках тайком.

И вот пришёл с бродяжьим танцем
Туда, где, словно фараон,
Держащий в страхе всех испанцев
Жил очень знатный, грозный дон.

Богатый дон Корузо Педро,
Что махо в гости не зовёт,

В чьих жилах, словно ртутью в недрах,
Кровь всей Испании течёт.

Вооружившись тамбурином
И парой звонких кастаньет,
Наш махо рыцарем старинным
Запел любовный свой куплет.

Ворвался в город куртуазным,
Он трубадуром шапито
Под окситанским флагом красным
В смешных помпончиках с крестом.

И престарелая дуэнья,
На кастельяно матерясь,
Увидев махо представленье,
Крестилась, охала, стыдясь.

Обворожительною свитой
С ней вышла робко на балкон
Сеньора или сеньорита,
В которую он стал влюблён.

Зарделась и она румянцем,
Как инквизиции костры.
В Толедо надо быть испанцем
Средь темпераментной игры

Двух взглядов, чаш огней пролитых,
Один сверкает, как кинжал,
Другой невинных кармелиток
В себя смирение вобрал,

Но знает зов свободы басков,
Вкус толеданского вина,
Пылает кровь в ней страстью плясок,
Которыми она пьяна.

Наполовину аквитанка,
На треть погибший Карфаген
С чертами хрупкой парижанки
С замысловатым кодом ген.

В бриллиантах обруч под веспайо,
Головка дивная под ним

И сзади крылья вырастают,
Как будто дева - херувим.

В каркасном платье с пелеринкой
Корсет подчеркивал ей грудь.
Продолжил с паузой-заминкой
Герой наш балагурить муть.

Блондинка с чёрными глазами,
От мавров в них остался след –
В бездонной поступи цунами
Из тьмы богини силуэт.

Она над ролью Дульсинеи
Смеялась, как и весь народ.
В ответ же, страстью пламенея,
Глядел на донну дон Кихот,

Кто вся в доспехах маньеризма
Томилась от монашских пут,
Кляня грехи католицизма,
Что осквернял шутливый плут.

А он высмеивал пороки
Аутодафе еретиков,
Как жгли красавиц дивнооких
В безумном чаде городов.

- «Беда богатых толеданцев,
Крутых властителей земли –
Они роднились итальянцам,
А те интриги им плели.

Губили Медичи и Борджа
Цвет ренессансных патронесс
Семьи Толедо, жертвы множа,
Их консуммируя грандесс.

Как с де Толедо Леонорой
Муж Пьетро Медичи свёл счёт,
На вилле ди Кафаджиоло
Ей жизни он прервал полёт.

Да сколько их, красивых, смелых,
Сгубили в кознях палачи.

Взять тайну смерти Изабеллы,
Звезды семейства Медичи.

Проклятий матримониальных
Прошла чумою полоса,
Талантливых и гениальных,
И самых лучших искромсав.

Те жертвы в траурных мантильях
С могилами обручены.
Пушкой же помнит вся Кастилья
Трагизм историй старины!

В честь них, кто в райских анфиладах
Прощает всем канальям зло,
Спою невинную балладу.
Моё такое ремесло...

Балладо о Толедо

Толедо – город мудрый, город старый.
Традиции древнейших мастеров –
Твой мост с изящной аркой Алькантара
И сталь дамасская твоих клинков.

Толетум иберийских карпетанов
И Толайтола мавров – всё есть ты,
Разгромленный жестоким Ганнибалом,
Восстал из пепла и обрёл кресты.

В Толедо в старом замке мавританском,
В Алькасае кастильских королей
Хранится дух могущества испанцев,
Изгнавший всех врагов с земли своей.

Вестготы, мавританские владыки,
Дамасский халифат и Древний Рим,
И Карфаген, все с жадностью великой
Бывали здесь, но город невридим.

Здесь важностью велик в священном сане
Собор Успенья Девы Пресвятой,
Живёт и здравствует примас Испании,
Нет больше в мире ризницы такой.

О, вечный твой соперник, Таррагона!
Ведёт с тобой свой каталонский спор

И тянут мантию епископского трона
Прелатов гвардия, жестоких сборов двор.

В том споре епитимных эпитафий,
Надгробных почестей – проклятие речей
Мы слышим пиетет аутодафе
И пыточное лязганье ключей.

История Толедо знает муки
И ужасы асфиксий и измен
Её грандесс. В руинах акведука
Сокрыта тайна этих мрачных сцен.

Прелюбодейки и прелюбодей,
Горячим темпераментом пьяны,
Все становились жертвами злодеев
Междоусобной родственной войны.

Старинный род Альварес де Толедо,
Испанских грандов богатейших ветвь,
Увядающая в трагедиях и бедах,
Которую сточил коварства червь.

Прекрасные, о, гранды – сибариты,
Напыщенные славой и хвалой,
Но здесь не вы в почёте знамениты.
А кто же этот сказочный герой?

Ликуй и пой, народ и кабальеро!
Приветствуй стоя, вот он, твой герой!
Возглавивший восставших комунерос,
Да, это он – Толедо, город твой!

Он под пятою королевской власти,
Террора инквизиции заках.
Поругано его простое счастье,
Истлело, разложившись в палачах.

Но знай, народ, средь чумового мора,
Когда смерть запоёт свои стихи,
Придёт и к ним монах Савонарола
Грозить бичом расплаты за грехи.

Я лозунг герба Джулии Гонзага
Тебе, о, мой Толедо, подарю –

«Non morituro» в полотнище флага
Пусть вечность трепыхает на ветру!»

Перстом примас приказ кидает
Схватить безумного шута.
Свистит вся площадь, город знает,
Что совесть знати не чиста.

Но гнев улыбкою венчальной
Сменяется в глазах пустых:
- «Вы арестуйте его тайно
В вечерних сумерках густых».

И по приказу командира,
Чтоб каждый за певцом следил,
Отправлены четыре сбира,
Но тщетно, махо след простыл.

Его, как ночь, собой укроет
Бретёров толеданских храм,
Кто, промышляя здесь разбоем,
Всё отдавали беднякам.

Ведь он их потчует надеждой,
Что не греховный это труд
И что не зря в петле мятежной
Они когда-нибудь умрут.

Они ж его питают силы
Трагедиями бедноты,
Как жизнь доводит до могилы
Без чести, прав и красоты.

Наутро, словно тамплиером
В Крестовый двинет он поход,
Ведь трубадура с песнью смелой
Везде приветствует народ.

- «О, ты, эпоха Возрождения!
Восторг и просвещение дел!
Пора античных увлечений
И гуманизм не душ, а тел.

Rinascimento, да, сеньоры!
Рай, верно, здесь, он на земле!»

Пьянятся горожанок взоры,
Кокетливых в дезабилье.

- «Пусть на могиле каждой гранда,
У склепа среди слизких плит
Цветок не вянет амаранта,
Он будет всё равно забыт,

Поскольку ничего не сделал
Тот дон для счастья других.
И прах, усопший, кабальеро
Не будет чтим средь молодых».

Порыв витиевато́й речи
Округу пылко бередит.
И, широко расправив плечи,
Вдаль махо весело глядит.

III

Смеялась старая Кастилья,
Пел махо песни, танцы плёл.
Средь узких улочек извилин
Тот шум народ на площадь вёл,

Где в гонуэзские фонтаны
Наивно писал Купидон,
Шипела, омывая раны,
Вода атлантам в свой урон.

Там шут, танцующий фанданго,
Гитары плач, смех кастаньет.
И донна в страсти цвета манго
Ему уж машет свой привет.

- «О, лузитанские принцессы!» -
Взгляд посылая на балкон,
Влюблённый юноша-повеса
Рисует сердца медальон.

- «О, Амэрэнга, Мэрисела!
О, Арэсели, Асунсьон!
О, Мелестина, Мигуела,
Эстелия, Адорасьон!

Вы все подобны орхидеям!
Нежны, красивы, как цветы»

И взгляд колдует юной феи,
Летит с балконной высоты.

«Ликуй же, славная фиеста!
И слушай правду без прикрас.
Проклятье! Не сойти мне с места,
Коль не забавит она вас!

Я объявляю злом доносы.
В них яды козней сатаны.
Пусть Папа Римский в нос гундосит
О благочестии жены,

Но если муж или любовник
В ней малефику разглядят,
То их любовный треугольник
Весь будет пламенем объят.

Любовь поругана, забыта
И с изуверством палачей
Распята, сожжена, убита
Под рабский говор их речей.

Под их циничное распутство
Казнит её любой король.
Забыта в божьем опекунстве
Её не сыгранная роль.

Она должна быть полнокровной,
Хоть нам обратное твердят.
Союз физический с духовным
По настоящему богат.

Он свят, поскольку созидает,
Творит божественный итог.
Молчите вы, но каждый знает,
С Любовью человек есть Бог!

И я люблю, и мои чувства
На тёмной стороне луны
Воспеть способно лишь искусство
Из иберийской старины».

Щипал влюблённый мандолину.
Как страстью цвёл закат вдали

И стыд свой, как наряд, отринув,
Ночь опускалась до земли.

Как ржавый рыцарь в плеске вёсел
Разворошил забвений ил
И в серенаде пыльных вёсен
Запел о той, кого любил.

Звучало имя быстротечно -
Тату на древнем языке
И на Пути небесном Млечном,
Клинком, блестя в его руке.

Отказом донна всех карала
И, суд свой пламенно верша,
Её строптивая не знала
О чувстве рыцаря душа,

Что погребенное в руинах
Средь джунглей из прошедших лет
Желаньем, как вином старинным,
Обогатило свой куплет.

Зарос, как спрятал чувства донны,
Плющом колхидским весь балкон,
Но следом вышел на поклоны
Ее ревнивый старый дон.

Костюм эпохи Ренессанса,
Барокко или рококо.
Хоть был он гордостью испанца,
Сдержал смех махо нелегко.

Камзол гофрирован горгерой,
Раздулся в кальсес, словно шмель,
И благородные манеры
Раскрепощал весёлый хмель,

В хубоне выпуклом смеялся
И в облегающих чулках,
Дон бочкой хереса казался
На страусиновых ногах.

- «Кощунство! Срам и богохульство!
Фанатик! Дьявол! Еретик!

Так осквернять святое чувство!
Казнить его!» - вскричал старик,

Епископ в рясе кардинала,
Надзорный Папы над страной,
Что был развратным маргиналом
Бесчинств и оргий под луной.

Он одарял своих любовниц
Всех должностями аббатис,
Разыгрывавших днями скромниц,
Ночами чувственных актрис.

Бесчестный, с совестью нечистой,
Он не носил в душе креста.
Под маскою евангелиста
Скрывалась суть Антихриста.

И вслед за ним заголосила
И хунта вся наперебой.
И с мест сорвались алыгвасилы,
Чтоб долг исполнить страшный свой.

Стремглав ретируясь, идальго
Забросил орхидей букет
И улыбнулась Эсмеральда,
И взгляд не говорил уж "Нет".

Так было в прошлую фиесту.
От инквизиции сбежал
Наш махо, только вот не к месту,
Он к донне страстью воспылал.

И через год всё с тем же кредо,
Но в обновлённом амплуа,
Он вновь наведаясь в Толедо,
Чтоб завершить свои дела.

IV

Ансамбль античных истуканов
Шумел, как в арках акведук.
Пришла красавица к фонтану.
Сиял агат в браслетах рук.

Зной обжигал фигур рельефы.
Пылала страсть в телах из ниш.

Химеры, прячась в барельефы,
Хранили сном сестры тишь.

Подобно миражу видений,
Что соблазняют в знойный час,
Манит в кокетстве омовений
Стрельба красивых женских глаз.

В носилках знатную сеньору
Влекло к прохладе звонких струй.
И цвету нежности во взоре
Послал воздушный поцелуй

Наш махо, слуг её отринув,
В своей решительности к ней
С невинной куртуазной миной
Приблизился, как к Еве змей.

В нём донна юношу узнала,
Кто вызвал трепет ей в груди,
Какого Церковь не поймала,
Но покарает впереди.

- «Сеньора! Вы – моя богиня!
Желаний чувственный алмаз!
На небе ночью тёмно-синей
Нет звёзд, красой, затмивших вас»!

- «Вы темпераментный мужчина.
Но ваше ухажёрство зря.
На свете нет такой причины,
Чтоб вам преследовать меня».

- «Притворства я сорву личину
И вам откроюсь, не тая.
Любовь, она тому причиной,
Что не теряет время зря».

- «Вы – рыцарь, хоть не куртуазный...»
-« Что ваше сердце холодит?!»
- «Мой муж... Развратник гривуазный!»
- «Ваш муж? Он будет мной убит!»

- «О, нет, прошу вас, ваша милость!
Не надо крови, дон артист», -

Звучала в голосе игривость:
« Я верю, что порыв ваш чист...»

- « Не допущу в любви трагедий!
И мне ответит ваш супруг,
Что не даёт духовной снеди
Для чувств, снедающих досуг».

- «Вы вспомните ещё Верону.
Ромео яд, Джульетты нож...»
- «Ваш муж подобен Аполлону?»
- «Нет, на Нерона он похож.

Мой папа был не кабальеро.
Пройдоха и торговый плут.
И Эсмеральдой Каминеро
Меня по батюшке зовут.

Хуан Энрике Каминеро,
Скажу вам, право, без затей,
Торговлю вёл на Пиренеях
В разнос не хуже, чем еврей.

Он уходил от алькабалы –
Торговый не платил налог,
Но стал судьбы моей вандалом.
Его презрел за это бог.

Он жизнь закончил некрасиво,
С прорехами в своих делах,
Когда, как грифы, альгвасилы
Клевать слетелись его крах.

В торговле мутной с Новым Светом
Он мне приданое скопил.
Благодарить его за это
Мне бог теперь всю жизнь ссудил.

Придумал брачный меморандум,
Чтоб шёл инвестор в женихи,
Сумел сосватать меня гранду
Наверно, за мои грехи.

Потомок самого Кортеса
Жизнь превратил мою в тюрьму,

С приданым в двести тысяч песо
Была я отдана ему.

Как есть биллонная монета,
Светился мнимым счастьем дон,
И, усадив меня в карету,
Тираном оказался он».

- «Но в чём, позвольте, тирания?
Чем взгляд печален, удручён?
Хотите, буду ваш Мессия?!
Мне это, право, нипочём!»

-« Он мой тиран, моя могила,
Дракон, что деву заточил
В высокой башне, поглотила
Которая остаток сил.

Мой муж противен мне по духу.
Он, юность, как и честь поправ,
Меня содержит, словно шлюху,
Не жизни, смерти богом став».

- « Восстань, как Пачеко-Тендилья!
Как толеданская земля,
Что в комунерос с де Падиля
Восстала против короля!»

- «Помилуй бог! К чему безумства,
Ещё и среди бела дня.
К измене никакие чувства
Склонить не властные меня.

Да что ты знаешь, милый махо,
О жизни? Право, не бранись!
Как рыцарь без упрёка, страха,
В любви до гроба не клянись.

Моя судьба, увы, печальна,
О чём скорбит мой дух тайком.
Была сосватана банально
И замужем за стариком.

Любовь... Мой друг, ну что ты, право!
Во всём главенствует успех.

Я лишь достойная оправа
Его и кукла для утех».

- «Сеньора! Дайте ж объясниться!
Позвольте мне лелеять вас!
Ведь не возможно не влюбиться
В такую, встретив здесь, сейчас!»

Она чуть голову склонила.
Печальный взор её блуждал.
Таилась в нём такая сила,
Которой он ещё не знал.

- «Ребёнок!» - с ласковою миной
Она носильщиков зовёт
И узкой улицей старинной
Всё тем же миражом плывёт.

-« Забудь меня, мой толеданец,
Как клич к восстанью на устах.
Прости мне робости румянец.
Хочу я быть с тобой в мечтах!

В том мире, от всего свободном,
С тобой сбежать назад в Эдем,
Не зная грех свой первородный
И что последует затем.

Там, но не здесь, где грех измены
Коррехидоры стерегут,
Народы, как быков арены,
Загнав на дно звериных смут.

Кострами, словно языками,
Скользит по ведьмам скорый суд.
Не отмолятся им веками
За то, что натворили тут.

Прощай, моя любовь святая!
Безумной встречи краток миг.
Любую мысль грех съедает
И тело превращает в шпик.

Прощай, любовь! Моя зарница,
Я клятву верности даю

Тебе! Нам встретиться случится
Во мной придуманном раю».

И махо, опьянённый встречей,
Влюблённый, пылкий, молодой,
Пошёл готовить свои речи
Для выступлений пред толпой.

V

Под тихий шорох мантий хунты
Окинул взором он народ.
- « В простонародье зреют бунты.
У знати же, наоборот

Их подавлений злая сеча.
Король, нацгвардию создав,
Покой элите обеспечил,
Народ, лишив последних прав.

Я призываю вас, вельможи,
Послушать песенки мои.
Кому они – мороз по коже,
Кому-то сказки о любви.

Алькальд, вы, гранды-толеданцы,
Кортесы, Места, кардинал,
Кто служит мессы всем испанцам,
В огне к смирению призвал,

Фанатик дела Торквемады,
Великих инквизиций тьмы.
Непобедимая армада
Моей измученной страны,

Что говорит на кастильяно.
Приветствую сегодня вас
И всем поведаю здесь рьяно
Свой не придуманный рассказ.

Пускай, в карманах нет реала
У трубадура, краток век,
Спешит он быть любви вассалом,
Служить ей, не смыкая век.

Послушай, мой народ, поэта.
На радость или на беду

Тебе историю вот эту
Я в назиданье приведу.

Жил дон, богат, красив, изыскан,
Угодий тучных господин.
Ему завидовал епископ,
Да впрочем, и не он один.

Сеньора девушка любила,
Не знал красивей белый свет.
Ему быть верной до могилы
Она дала в любви обет.

И дон с ней бракосочетался
И в счастье восторжествовал.
За ней в приданое достался
Ему солидный капитал.

Был его тесть конкистадором.
С индейским золотом вождей
В огне межплеменных раздоров
Вёл караваны кораблей.

Он взял в последнюю поездку
С собою девственницу-дочь.
Пиратский флаг вдруг чёрной меткой
И чёрный парус, словно ночь.

То за чертой ультрамарина
Звездой-жемчужиной со дна
На горизонте бригантина
Взошла, как чёрная луна.

Как волки, гнались флибустьеры,
Добычу чуя, кровь и смерть.
Дрожал клинок в молитве веры,
Руки не чувствующий твердь.

На судне, пламенем объятom,
Среди насилия и краж,
Дочь познакомилась с пиратом,
Когда пошли на абордаж.

Средь хрипов и предсмертных стонов,
Под свисты ядер, сабель звон,

Из трюма в этот чад зловонный
Сочился сладострастный стон.

То был залог её спасенья.
Пират был рыцарь, принял дар,
Найдя в любовном приключеньи
Поэзию девичьих чар.

Покрыл ей голову банданой,
Заставил пить карибский ром,
Взял в плен отца с сквозною раной,
Чтоб выкуп стребовать потом.

Так дон Ноэль, отец девицы,
Закончил грабить Новый Свет,
Когда ограблен был сторицей,
Сойдя на берег в цвете лет.

Бросая пыль соседским донам,
Спешил поруганную честь
У дочери продать законно,
К тому же зятя приобрести.

Бог весть, какие пересуды!
Что прячет чрево женских тайн,
Не ведает сам чёрт во блюде,
Спешащий бога навестать.

А рядом проживал романтик,
Который верил в Красоту.
Любовь была ему, как фантик,
Скрывавший счастья наготу.

Влюбился на природы лоне,
Улучшив свадьбою дела.
И как-то, помолясь Мадонне,
Супруга в чреве понесла.

О, чудо! Ведь невинной девой
Была пред суженым ещё!
Кто посягнул на её чрево?!
(Пирата не берем в расчёт).

Муж точно знал, в делах интимных
Ещё не преуспел их брак

И верил, что жена невинна.
-« А потому, как это так?!

Кто с ней зачал сей плод? Загадка.
Духовно сотворил ли бог
Иль дьявол в вожделенье гадком
Сорвал невинности цветок.»

И он, кляня себя Иудой,
Что в чести усомниться мог,
Назвал зачатие супруги
Тем чудом, чего хочет бог.

Жена боялась конца света.
Поцеловав эфес креста,
Дон окрестил явление это
Вторым пришествием Христа.

Без ревности, не сожалея,
Он эту тайну сохранил.
Родился сын и дон аллею
Из лип пахучих посадил.

Прошли года. Уж запах липы
Разнёс медовый аромат.
И как-то голосом охриплым
Хвалил он свой цветущий сад

Соседу-другу по владеньям
И свою тайну рассказал.
А тот, как негодяй последний,
В Святую Церковь её сдал.

И хищные, как в Нордлингене
Иль Вюрцбургские мясники,
Примчались палачи в именье
И волю Папы им зачли

О том, что Папа Иннокентий,
Какой по счёту был восьмой,
Сынов возлюбленных в моменте
Благословил своей буллой.

Палач Malleus Maleficarum,
Как Генрих Крамер, был жесток.

Он, обдавая жертвы жаром,
Пускал им истязаний ток.

Но на защиту от бесчестья
Со шпагой вышел муж без слов
В одной камисе и в предплечье
Пронзён рапирою врагов.

К нему подъехала карета.
Пал на колени гордый дон.
Оттуда вышли в бликах света
Епископ и сосед вдвоём.

Дон зарычал, как лев, весь бледный.
Вокруг сто копий и рапир
В него направлены победно
И голос, что возглавил клир:

- «Милейший, суетою тщетной
Ты, вряд ли, гарпии своей
Поможешь. Праведник аскетный,
Уж не уподобляйся ей.

То ведьма. Именем закона
И Бога мы её возьмём,
Не причинив тебе урона
И отпустив тебя живьём».

- «Безумцы!» - дон кричал, вставая,
- «Ваш мир на кончике ножа.
Мостите вы дорогу к раю,
Но только дьяволу служа.

Уйдите прочь или умрёте!
Я проклиная вас на век!»
- « Не бойтесь! Он, как мы из плоти.
Да будет мёртв сей человек!»

Дон, всеми копьями пронзённый,
Был поднят вверх и сброшен вниз.
И ухмылялись зла патроны:
- « Ну а теперь нас ждёт сюрприз».

Дворня и слуги перебиты.
Разгромлен в спальне будуар

И донну в платье Афродиты,
Порвав, шелковый пеньюар,

За волосы уж тащат с лестниц.
Хотела броситься в окно,
Чтоб миновать страданий грешниц,
Но быть бесчестьем суждено.

С ней уходили как вандалы,
Сжигая дом, сгоняя скот.
Узрел валькирию Вальхаллы
Сын – пополнение сирот.

Нет, он в истерике не бился,
Агонизировать не стал,
Но богу трепетно молился
И кулаки для мести сжал.

VI

- «Дед, абордажник при Лепанто,
Вёл генуэзский галеас
И все алжирские пираты
Его боялись в этот час

В рядах бойцов Священной Лиги.
Венецианский интерес
Испанцев в тот конфликт религий
Втянул паше в противовес.

Нас предали венецианцы.
Пролитую героев кровь
Они всю отдали османцам
И Кипр стал исламским вновь», -

Так патер с тучным рылом винным,
Декан и пыток командир,
Латынью жертв отвлек невинных,
А рядом инквизитор-сбир

Уже готовил инструменты,
Чтоб в пытках свой вести допрос,
Как жертв одежду, сантименты
Отринув, он в корзину снёс.

Хоть мать с пристрастием пытали,
Не вывели, что она

До свадьбы в юности начале
Была с пиратом сношена.

- «Скажу я вам, поверьте точно.
Любовь моя тому оплот.
Зачатье это непорочно,
Как Богоматери приплод», -

Кричала дама в зале пыток.
Глумившийся над наготой,
Прожёг эмблему кармелиток
Ей на плече монах седой.

- «Ты будешь вздёрнута на дыбе,
Затем испанским сапогом
Все кости на ногах повыбьем,
Но страшное грядёт потом.

Ответь! Прими боль и раскайся.
Ты, заблудившаяся дочь,
Марии не уподобляйся!
Тебя брюхатил демон-зверь?

Ты с ним, испытывая слабость,
Во сне на ложе возлегла
Всего на миг, такая малость,
Но от него и понесла?!»

В ответ безмолвствует сеньора
И ей не страшен приговор.
Свирепее не знали взора
Судья, палач и прокурор.

Настало время зверских пыток.
В них тело не сберечь своё.
Средь палачей, в крови умытых,
Увяла красота её.

Не слабости возобладали,
Хоть всё же женщина она,
Но стойкость, что не ожидали,
Была с которой казнена».

VII

- «Сынок убитого семейства
Был погребён в глухой приют,

© Copyright: Руслан Захваткин, 2018, <http://literklubisety.ucoz.com/>

Чтобы исчез и с ним злодейство,
Пою вам о котором тут».

- «Постой!» - вскричали трубадуру.
Вся площадь ахнула на бис.
А он высматривал фигуру
Из-за балконов, как кулис.

- «Скажи нам, всем назло невзгодам,
Так это вымысел иль быль?
Была истреблена порода
Иль упражняешь сказок стиль?!»

- «Всё это быль. И зло – живое,
Ведь, пережив расправу бед,
Я тайну вам сейчас открою,
Тот ныне здравствует сосед.

Отмщенья! Требую отмщенья!»-
Вскричал отчаянно поэт.
- «Для сироты оно крещеньем
Лишь стало, целью долгих лет.

И вот теперь, о, Боги, плачьте!
Ликуйте демоны в аду!
Вдове вы пенсию назначьте...
Я отомщу за сироту!»

И махо на плюща лиане
Взмыл к донне на балкон, шурша.
Затрепетала нереально
И замерла её душа.

- «Позвольте!» - дон нахмурил брови.
-« Ну, это слишком, дон Кихот!»
А шут, пролив потоки крови,
Ножом вспорол ему живот.

Завыла в ужасе Кастилья.
Исполнен сатаны каприз.
И лучшей шпагою Севильи
Пронзён и сброшен махо вниз

И, умирая на подмостках
Гнилой, вонючей мостовой,

Искал земли родной хоть горстку,
Нашёл и умер как герой.

Как флаг пиратский, чёрный, смелый,
Среди испанских кораблей,
Глядела донна в кабальеро
И он лишь улыбался ей.

VIII

Когда седой доминиканец
Отпел убийцы хладный труп,
Увидев донны страстный танец,
Скривил усмешку тонких губ.

Фламенко донны Эсмеральды –
В глазах призыв «Ласкай и бей!»
И жажда, жадная до правды
Под кручей выгнутых бровей.

Как андалузская лошадка,
К монаху в танце подплыла:
- «Скажите, падре, в чём загадка?
Известна ль вам причина зла?»

- «О, это тайна, монсеньора,
Но так и быть, раскрою вам...», -
И, не найдя смущенья взора,
Сказал: - «то мщенье детских ран.

Он вырос возле Сигуэлы.
Его отец был дон Гаспар.
Привить хорошие манеры
Не смог, хоть был еще не стар.

А мать с притока Амаргильо,
Как иберийская газель.
Была богаче всей Севильи
Сарита Донсия Ноэль.

Завидовали их союзу,
Что благоденствовал и креп.
Сосед пустил слух, дон Корусо,
Что это ереси вертеп.

И инквизиции кострами
Усадьба вспыхнула в огне.

Сосед с изящными усами
Прибрал имение себе.

А донну Донсию пытали,
На кол садили при луне
И слышно было до Версаля
Плачь, стоны, крики в тишине.

Они её казнить спешили,
Имущество конфисковать,
А мужа шпагами убили
В попытке донну защищать.

Горело целое поместье
И в пляске языков костра
Ребёнок, озверевший мезьтью,
Убийц поклялся покарать.

Так донну ведьмой Кордильеры
Сожгли в безумстве на костре,
А сына, родом кабальеро,
В монахи отдали ко мне.

И тут бы быть концу историй,
Но нет. Возник один нюанс.
Не умер дон от ран и в горе,
А впал лишь в забытье и транс.

И он восстал один из мёртвых
Под ночи призрачным плащом,
Должно быть, в ведьминых увёртках
К соседу мезьтью облачён.

Подался дон в тореадоры,
Чтоб в Вознесение тайком
Убить Корузо приговором
Кинжала, если не быком.

Но разгадал Корузо первым
Его отчаянье и мезьтвь.
Не дрогнули у донна нервы
Для подлостей, коих не счесть.

Он подкупил тореадоров
И те поранили быка,

Чтоб в схватке с доном-матадором
Вспорол ему тот потроха.

И всё случилось, как на плахе.
Тореро в свой костюм огней
Зря запоясывал наваху.
Под хохот знати главарей

Его таскал бык по арене,
Ломая грудь и рвя жабо.
Хрипел корриды демон в пене.
Знать отрекалась от него...

Когда узнал о том мальчонка,
Услышал я костяшек хруст.
Стальную сжал свою ручонку
В порыве зла сыновьих чувств.

Потом бежал он из монахов.
И вот вы видите финал.
И снова под плащом наваха,
Но только дона он достал...»

Всплакнула юная сеньора.
Бриллиантовая россыпь слёз –
Не мужу дань в печальном взоре,
А махо – принцу её грёз.

И на могилу, сняв берету,
Венок увядших орхидей
Преподнесла ему с обетом
Любви и верности своей.

И тут же, в знойную сiestу
Кинжал себе вонзила в грудь,
Чтоб стать убитому невестой
И вместе с ним продолжить путь.

И вовремя успела донна
Мучений пыток избежать.
Уже скакали к её дому,
Как ведьму чтоб арестовать.

Седой монах в час полнолуныя
Со свитой факельных огней,

Что исповедовал колдунью,
Донёс епископу о ней.

И инквизиторы помчались,
Как свора гончих при луне,
В её имение ворвались,
Допросы учинив дворне.

Схватив служанку Катерину,
Дознались, что ушла гулять
В сиесты час. Скривили мину:
- «Куда?!
- «На кладбище искать...»

Глубокой ночью в час вампиров
Обходчик кладбища узрел
Нефрит некрополя ампира –
Труп девушки белей, чем мел,

В корсете шёлковое платье
Кинжал которое пронзил.
Он, ведьму окрестив распятым,
О помощи заголосил.

Как будто к демону из ада,
Глаза, как факелы, горят,
В чёрных плащах в аллеях сада
Уж инквизиторы летят.

Обходчик тут перекрестился,
Закончив смену, взял расчёт,
Сбежать в Америку решился
И в путь пустился в южный порт.

Но, проезжая через площадь,
Увидев, понял он во мгле,
Что мёртвый демон прошлой ночи -
Сама Любовь висит в петле.

И жалость к трупу толеданки
В нём подожгла фитиль мортир.
Он проклял вирусом «испанки»
Несовершенный этот мир.

Арбеяль

I

На северном дальнем стоит берегу
Маяк, рубежи не сдавая врагу.
Там бьётся о скалы седая волна,
В раздолье нагулянной силы полна.

В тот час, когда бледная всходит луна,
Вздывается бездны морской глубина
И весь поглощает собой небосвод,
Скользит и крадётся на берег из вод

Не витязей бравых былинный дозор,
А стая русалок из омутных нор.
Свистят земноводные трели они
И россыпью глаз зажигают огни.

Луна полирует им блеск чешуи
Они посвящают ей песни свои,
Какие, пленяя желаньем любви,
На острые рифы влекут корабли.

Всю ночь напролёт ходит на маяке
Косматый смотритель с винтовкой в руке.
Он даль освещает, как будто заря,
Всевидящим оком его фонаря,

Пронзающим шторма полночного мрак.
На свет этот молится каждый моряк
И мимо обходит коварный приют,
В ночи о котором русалки поют.

Свой киль, словно кисть, обмакнув в акварель
Коралловых рифов, минует с ним мель
Случайный корабль, швартуящий груз
В прибрежной лагуне кишаших медуз.

Но в толще холодной солёных пучин,
Где мегалодона скелет-исполин,
Тот свет будоражит, волнует прибой
И лезут на берег волна за волной

Исчадия бездны, чешуйчатый вид,
Что не человек и не рыба – гибрид.
У ног в перепонках все пальцы ступней.
Сирены, их трели, как песнь Лорелей.

II

Случилось, принцесса морского царька
Попалась, запуталась в сеть рыбака.
А тот был развратник и вместо ухи
К сожительству стал принуждать на грехи.

Рыбак был смотритель того маяка.
Он, словно рабыню, её понукал.
И бешено рыскал во мраке маяк,
Когда там свирепствовал старый маньяк.

Она не далась ему в той мере сил.
В высокую башню её заточил
За это безумный смотритель седой,
Давно не друживший с своей головой.

В протест обреченью - томиться в плену,
Она маяку объявила войну.
И каждую ночь завывала ноктюрн,
Из моря сородичей звавший на штурм.

Злой ветер, пронзительный и ледяной,
Её разносил ультразвуковой вой.
И родичи племени дальних морей
На помощь пришли Галатее своей.

Рыбак отбивал все атаки наяд,
Стреляя во тьму оружейный заряд.
А после всю ночь погребенья постель
Оплакивала сиротливая трель.

Но как-то на остров однажды с утра
Учёный приплыл, изучая ветра.
На метеостанции должен был жить
И честно британской короне служить.

Он встретился у маяка с рыбаком,
И узницы видел купанье тайком.
В воде излучал удивительный свет
Висевший на шее её амулет

Причудливой низки ракушек и бус,
Что смог бы создать лишь художника вкус.
Собой грациозна, красива, стройна,
Меж тем, словно рыба, была холодна.

Смотритель держал её на поводке
В прожжённой ветрами косматой руке.
Отбросами только кормил со стола
И бил, не пуская весь день из угла.

А ночью ученого звал на маяк,
Чтоб шквалы морских отбивать с ним атак.
Увидел учёный самцов из наяд,
Один за одним погибавших подряд.

И жалко ему стало мир их морской,
Что смерть забирала прибрежной волной.
Он в думах глубоких оброс бородой,
Бродя одиноким рассветной зарёй.

- «Ну как же до низости дожил старик?
Сошёл он с ума, скажем мы напрямик.
В пылу помешательства заблудший инстинкт
Завёл его в этот глухой лабиринт.

Смотрителя манят животной чертой
Её совершенной морской наготы.
Звериный зов предков, как волк под луной,
Томился в нём страстью с прибойной волной

И вылез наружу, как древний дракон.
Чудовище! Хуже животного он!
Маньяк и мерзавец! Насильник и мразь,
Красу здешних мест превращающий в грязь.

Но я прекращу мракобесия тут.
Не даром, меня справедливым зовут!
Я ночью сирену Анерис спасу
И к морю тайком на руках унесу.»

Она приручённой не стала совсем,
Но шторм маяка прекратился меж тем.
Смотритель был гнусный, жестокий старик
И каждую ночь ультразвуковой крик

Он силой садизма во тьму вызывал
И бешено волны бросали свой вал.
Не выдержал парень, пришёл к старику:
- Отдай её мне, пусть прогонит тоску!

Я щедро тебе за неё заплачу.
Она зажигает мне в сердце свечу.
Я дам за неё тебе порох и ром,
А мы будем счастливы с нею вдвоём.

- Безумец! Понятны желанья твои,
Но жаба не стоит сердечной любви.
- Но дай хоть на ночь, хоть на час мне её
Отведать пьянящей любви забытьё!

Отправь её в Лондон, зритель, со мной,
Богиню, рождённую в пене морской.
А я приведу за собой целый флот
И мы переловим русалок из вод.

- Чудак, в этой страсти, бесспорно, шальной
Один ты не справишься с ней под луной.
Она призывает на помощь моря,
Своим дивным голосом бездну маня.

- Ну, нет! Нам с тобою её не делить!
Один будет мёртв, а другой с нею жить!
- Щенок! Да ты бредишь в желанье своём!
С ближайшим домой уплывай кораблём!

- Желанье моё – лишь русалку спасти!
Цветок каждый должен на воле цвести.»
И вытащил парень заточенный нож,
Он был с ним совсем на пирата похож.

И в яростной схватке, как два моряка,
Сражались они на краю маяка.
Разбиться о скалы, чтоб волн мерный гул
Позвал на добычу голодных акул,

В борьбе этой каждый из них рисковал.
А море несло разрушительный вал.
Русалка, волнуя стихию воды,
Была с ними вместе у края беды.

Но вот из последних измученных сил
Ученый кинжалом злодея пронзил.
Ошейник сорвал, сняв позорную цепь,
Чтоб больше никто уж не смог запереть.

И к морю открыл ей тяжелую дверь,
Покинула узница чтоб цитадель.
Русалка, раздеваясь до гола,
С собой амулет свой родной забрала,

Хотела покинуть злой узницы плен,
Вернуться в родное семейство сирен,
Но сердце пронзив, благодарность стрелой
Заставила взять и героя с собой.

Как это случилось, сказать не берусь.
Когда нас щемит расставания грусть,
Способны попасть в сожалений капкан.
Так случай закинул его в океан...

III

Воскликнул учёному царь всех морей:
- Женись на красавице – дочке моей!
Она безрассудна, но очень мила,
Двадцатая девы весна расцвела.

Ты не удивляться еще не привык.
Один я, кто знаю земной ваш язык.
Пойми, утонувший, родительский сказ -
Подводное сердце ликует за вас!

В приданое дам с ней Бискайский залив.
Он чуден и неповторимо красив.
Там пляж астурийский наследный инфант
Назвал за её красоту и талант

По имени дочери милой моей.
Как самый счастливый из всех королей,
Сейчас объявляю я волю свою –
Тебе дочь единственную отдаю.

- «А как ее имя, отец Посейдон?»
В ответ улыбнулся, сощурившись, он.
- «Анерис – её называешь один.
Она – Арбеаль. Вырь подводных пучин

Её колыбелью с младенческих лет
Была и взрастила, спасая от бед.
С дельфинами дружит, и выпас китов
От всех стережёт китобойных судов.

Однажды акула, напав на неё,
Раскинула пасти своей остриё,
Но храбрый охотник и дядя Арбель
Трезубцем пронзил её, словно форель.

И жемчуг редчайший дочь в бусы вплела –
Её оберег от несчастья и зла.
Тигровой лианы раскрыв аромат,
Таит в себе сладость, как хмель виноград.

Она к Кантабрийскому морю тебя
С собой унесёт, на дельфине храня.
Там берег скалистый задумчиво тих –
Медового месяца рай для двоих!

Среди эвкалиптовых старых лесов
Есть грот и в его испещрённый альков
Струится со скал самый чистый родник,
Какой неизвестно откуда возник,

Скользит водопадом извилистым в пруд
И мох превращается в нём в изумруд.
Там сердце подарит тебе, Арбеяль,
Волшебное, словно Священный Грааль.

Доверьтесь инстинктам и ну же, вперёд!
Весь празднует свадьбу подводный народ.
С глубинной природой воссоединись
У вас начинается новая жизнь.

Животная чувственность, свежесть воды
В Эдеме, где из пириферы сады,
Пусть вас ласкают и нежат двоих
Ступай же к невесте, счастливый жених.

Метельчатый ревень в ее волосах
И звёзды морские линкия в глазах.
В уборе невесты расцвел флёрдоранж
На платье из келпа пролива Ла-Манш.

В нём символ девичьей невинности свят.
Невинен и нежен и дочери взгляд.
Иди же к фертильной невесте своей
Вам есть, чем заняться наедине с ней,

Красивым потомством чтоб обзавестись
С глазами, как неба лазурная высь,
Здоровьем и силой свободных морей,
Не терпящих в водах своих кораблей»

И за руки взявшись в открытый простор
Ученый с русалкой пустили свой взор.
Пред ними раскинулась водная даль,
Сверкая, как венецианский хрусталь.

Лорелея

Бежал на пляж табун девиц.
Их вазы ног и ягодиц
Мелькали в поднятой пыли,
Свои желанья оголив.

А я в тени тянул портвейн
И вспоминал военный Рейн,
Как я фашистскую жену
Своей любовью грел в плену.

Анклав союзнических войск.
Во всём изысканность и лоск
И мы, как дружеский десант,
Вернее скажем – диверсант.

Потом светил нам трибунал,
Где б я, наверное, пропал,
Но спас меня один комбат,
Забрав к себе бойцом в штрафбат.

Мы наконечником ножа
Шли на Берлин, его кроша,
Топили в замках их камин
Порой шедеврами картин.

И юных немок без любви
Топили в собственной крови
За всех замученных невест,
Что погубил их готский крест.
Мы сорок пятого весной
Отмстили им за упокой.
А тут ребёнок вполз под танк...
На гусеницу намотав

Его останки и кишки,
Мы мыли танк свой у реки.
И я услышал чей-то вой,
Утробный, страшный, громовой,

К руинам, вскинув автомат,
Поднялся сделать променад.
Разбит был бомбой старый дом.
Семья врага погибла в нём.

Но кто-то раненый стонал
И свою участь проклинал.
Среди развалин трёх квартир
Полз гитлерюгенда мундир,

Что на девицу был надет,
Какой на вид пятнадцать лет.
Она шипела, как змея,
Бетоном сдавленная вся.

Отцовским чувством, ошалев,
Полез спасать её, но зев
Фашистской пасти усмирил
Мой пыл, меня остановил.

Шипела: «Русская свинья!» -
Мне злобно пленница моя.
И я тогда её раздел
И скорый суд свершить успел

За русских вдов и матерей
Любимой Родины моей!
Я приложился от души,
Её гнездо разворошив.

А друг мой выстрелил ей в глаз:
«Ты что полез на эту мразь?!
Они стреляют в спины нам
И наши танки палят в хлам

Фаустпатронами в ночи,
В подвалах пряча их лучи.
Как ты домой вернёшься, друг,
Марать в грязи своих подруг?!

Я опрометчивый твой грех
Здесь на себя возьму за всех.
Мне жить осталось меньше дня.
До срока с раной хороня,

Клянись, что впредь не осквернишь
Ты благочестье женских ниш».
«Клянусь!», - я пылко отвечал,
А он уже дышать кончал.

Весь пулями прострелен был
Освободителя в нём пыл.
И вот я встретил Лорелей,
Блондинку, ноги от ушей.

В глазах озёрная вода
С чистой голубинкой льда.
Её под рваным свистом пуль
Ночной доставил к нам патруль.

Беглянка, вещи в узелке,
С SS наколкой на руке.
- Я эту суку раскусил!
Мне дерзко комендант басил,

Но ругани его падеж,
Пресёк я, вынув ксиву СМЕРШ.
- Шпионку эту вы в расход?
- Ну не на маточный приплод!

С предохранителя затвор
И ствол на девушку в упор.
Повёл её на пустыри.
Горели танков фонари...

Она просила отпустить
За все грехи её простить.
Я знал немецкий их язык,
Но слышать нежность не привык

В его железных лязгах фраз,
А тут души потёк рассказ.
«Да что ты знаешь обо мне,
Огнём круша в моей стране,

Что было свято до руин?!
Отец – нацистский паладин,
Меня отдал в союз девчат,
Как гитлерюгенда отряд.

Мы шли в строю, чеканя шаг,
И на Востоке был наш враг.
Мы все готовили себя
Отдать героям, чтоб любя,

Родить Германии сынов
Как племя гордое орлов.
Ведь до сих пор чёрный орёл –
Гербов германских ореол.

Мы закалялись все, как сталь,
Державы мощь чтоб навестать
От поражений прошлых лет
До триумфальных вновь побед.

Мы пели гимны, жгли костры,
Как наконечники остры,
Точили волю и росли,
Словно плоды родной земли.

Но мы не знали, что фашизм
Там, на Востоке мучал жизнь
И истязал, и убивал,
И детство заживо сжигал.

Мы думали, что новый мир
Нас оправдает. Наш кумир
Кричал с трибун, взрывая ор.
И подхалимов вторил хор,

Что за величие страны
Её все дщери и сыны
Должны народы все попрасть,
Чтоб время повернулось вспять.

Откуда это наш народ
Смог выносить как чёрный плод?!
Откуда это средь костров
Чудовище, как ксеноморф,

Смогло привиться в наш геном?!
И жутко, что было потом...
Мне стыдно. Проклята мечта.
Распята вера, красота.

Пощады нет моей главе.
Пусть наковальной булаве
Она послужит в свой черёд.
Главу сыпь пеплом, мой народ».

Я отпустил её тогда...
Горела яркая звезда.
Не поднялась стрелять рука
Под тихий шелест ветерка.

Уже потом, после войны,
Когда желаньями полны
Всё возродать, ликуя, петь,
Все торопились жить успеть,

Я фильм увидел «Акт любви»,
В котором каждый кадр творил
Лиричную Дани Робен,
Париж под вой ночных сирен

Её с американцем свёл.
Своей любви я акт прочёл,
Смотря восторженно тот фильм,
Но мир военный был другим.

В поту, в грязи, в дерьме, в крови
Мы воевали без любви.
Она сияла нам звездой
В дали закатною порой.

И мы терпели этот смрад
И шли вперёд, не на парад,
А исполнять военный долг,
Какой свершить лишь русский мог.

Превозмогая смерти сплин,
Мы раздавили вражий клин.
Но нам на родине родных
Уж не было давно живых.

И кто нас ждал, пади, Бог весть.
И прорывалась наша месть.
«Зачем я немку полюбил? –
Немой вопрос меня гнобил

И места я не находил,
Не ненавидел, а любил
Уже весь мир. Прошли года,
Но не забыть мне никогда

Мой хрупкий, нежный акт любви,
Мой срам и храм мой на крови.
Мы шли в атаке на Берлин.
И как советский гражданин

Смотреть я на немецких дев
Не смел, не вождедел, раздев,
В мечтах в предместьях, городках,
Куда загнал фашистов страх.

Нам не бросали здесь цветы,
Гранаты лишь из темноты.
И зверь глядел из под ресниц
В колонны танков верениц,

Глядел и извергал огонь.
Лишь наша русская гармонь
Нам убаюкивала зло
И дома дальнего тепло

Отогревало нам сердца.
И каждый ждал войны конца.
Я снова встретил Лорелей
В самом Берлине среди теней,

Где сокрушая цитадель,
Наш снайпер снял её как цель.
На ней не штатский был костюм
И пуля, просвистев ноктюрн,

Её убила не за зря,
Как дрелью, тело бороздя.
О, как из памяти стереть
Её, чью жаль мне было смерть?!

Хоть ей в такую круговерть
Нельзя было не умереть.
Я вспомнил девичий рассказ,
И вспоминал потом не раз,

Как вёл её я, не спеша,
В кусты под дулом ППШ.
«Среди Баварии полей
Росла, как дева Лорелей.

Бедой шептания скалы,
Что губит мирные челны.
Хоть книги Гейне все сжигал
Отец, он всё ж меня назвал

В честь той русалки у реки,
Какую помнят рыбаки,
Что своим телом для любви,
Смутив, топила корабли.

Глаз с поволокой голубой
В безумной страсти роковой
С ума сводил любых мужчин,
Что стало главной из причин,

Чтоб в мир арийских лагерей
Меня отдали без затей.
Мечтала, верила в любовь,
Но лязг оружия и кровь

Терзали с детства сердце мне.
В приготовлениях к войне
Томилась детская душа,
На мир надеясь, чуть дыша.

Я думала, что будет мир
С триумфом Олимпийских игр,
Какие принял Третий рейх,
Но то был повод для утех.

Невинным агнцем волк предстал,
Взойдя, как бог, на пьедестал,
А всю промышленную мощь
Уже к войне готовил вождь.

Из готской нашей старины,
Что от войны и до войны
Хранили наши племена,
В Вальхалле славя имена

Героев, с доблестью в бою,
Кто пал, слагая жизнь свою,
Чтоб стать эйнхерием в раю,
Несут валькирии в семью

В чертогах Одина в Асгард,
В небесный град, цветущий сад.
Вот летний лагерь. Спорт и зной.
Блондинок юных ровный строй.

Жара. Иль сорок второй...
Мой первый опыт половой.
Мы в белых майках. На груди
Там свастика клеймом горит.

В улыбках девичьих клыки,
Топорщат груди нам соски.
Нам всё дозволено, мы – соль
Земли, её младая голь.

Танцуем, грации полны
И силы, грозны и нежны.
Я рву у озера цветок
И снимок делает знаток,

Чтоб фото девушки в цветах
Воодушевлять на всех фронтах
Спешило летнею порой
На Волгу, в южный город злой,

Где был в огне крошечный ад.
Тот город звался Сталинград...»
Из уст её был слышать рад
Хоть так про город Сталинград,

Ведь в мясорубке под огнём
Жена с дитём погибли в нём.
Я не убил её, она
Той ночью стала мне жена...

Её отчаянье и страсть
Не дали мне в жестокость впасть.
Её я вынес из руин
Вокруг горел ночной Берлин.

Я от Рейхстага в двух шагах
Держал фашистку на руках,
Какую я давно простил,
Всё потому что полюбил.

А рядом в ярости атак
Уж, штурмовой взметая флаг,
Гремел Идрицкой батальон,
Весь до зубов вооружен.

Вавилонская жрица

«Пади во прах и там останься, девственная дочь Вавилона!
Спустись на землю и в пыли сиди. Отныне ты не властительница.
Больше не назовут тебя нежной и утонченной»
Библия. Ветхий Завет. Книга пророка Исаии
Собирательный и вольный перевод из главы 47:1

Прочти же, Читатель, мой мысленный труд.
Поверь, не отыщешь ты мерзостей тут.
Добро побеждает в нём истиной зло.
Такое поэтам дано ремесло.

I

Пожалуй, пять тысяч уже лет назад
На Ближнем Востоке, где Тигр и Евфрат
В долине двуречья пытались сойтись,
Построен был город. И начата жизнь,

Не первой в числе городов-государств,
Где шло осушение болотных пространств
Убейдской культурой за горной грядой.
Там ил переносится «сладкой водой» -

Так в древности боги прозвали Евфрат,
Что с Тигром бежит из глазниц Тиамат,
Дракона иль хаоса гидр океан,
Кого Амаруту убил, великан.

Священному богу поставили храм,
Назвав Эсагилой, который жрецам,
Беречь поручили на все времена.
Так город возник, нам гласит старина.

Назвали тот город Вратами богов...
Все чтут Рождество, где двенадцать волхвов
С дарами к Младенцу пришли на постой,
Ведомые лишь Вифлеемской звездой.

И ходят легенды о тех мудрецах
С Востока пришедших с любовью в сердцах.
Но кто эти были святые отцы?
Астрологи и Вавилона жрецы,

Что в землях своих заслужили почёт,
Был каждый искусный из них звездочёт.
Они понимали движение планет,
Таких в нашем мире давно уже нет.

А город, откуда волхвы те пришли,
Пустыни пески уж давно замели.
Разграблена ныне его красота,
Печатью могильной легла пустота.

Там ходит лишь натовский ныне солдат
И воют гиены в развалинах врат.
Пророчества стали причиной их
Иль сглазная зависть народов чужих -

Неведомо в этих пустынных песках,
Где веет в руинах безвременья прах,
Проклятье забвений на тысячи лет
Под ходом далёким холодных планет.

Есть в мире немного таких городов,
Которые центрами были миров,
А в Месопотамии именно он
Был ном-мегаполис, златой Вавилон.

Шумеров в тот город ступил пилигримм
Нарёк его именем он Бабилим
И провинциальный возрос городок,
Стал центром для многих торговых дорог.

Загадочный черноголовый народ,
Аллювий среди малярийных болот
На пойме Евфрата возделывать стал.
И облагороженный край заблистал

В далёкие, давние те времена,
Когда многочисленные племена
Учились в ремёслах истокам богатств,
Что стало основой их государств.

В Бахрейне, иль там, где Персидский залив,
Был Дильмун – шумерской прародины миф.
Сегодня учёные спорят о том,
Что скрыл глинобитный таинственный холм.

А теллей-курганов несметно число.
Иные песками давно занесло
Иль смыло теченьем подпочвенных вод,
Как в сель, превратив, глинозёмных пород,

Таят в себе клады былых городов,
Разрушенных ныне до самых основ.
Туда археолог сегодня спешит,
Там древность сама под ногами лежит.

И в древности этой черпает он клад,
Учёному больше не нужно наград.
Он пьян, открывая легенды покров
Таинственных, древних, забытых миров.

И я вам открою легенду одну,
Которая помнит про ту старину,
Когда человек был животному брат.
Итак, лет так несколько тысяч назад...

II

Однажды расплатой царю за грехи
В пустыне ребёнка нашли пастухи.
Дитя было сброшено с каменных стен,
Чтоб прайд растерзал его львов и гиен.

Но боги с рабыней плод царских утех
Спасли и в газелий укутали мех
Той самки из стадного молодняка,
Шакал у которой задрал сосунка.

В газель превратилась богиня Иштар,
Из сочного млечного вымени в дар
Ребёнка вскормила она молоком,
Тая материнские ласки ничком.

И выросла девочка до семи лет,
Красивая, в мире такой больше нет.
Стройна, грациозна, изящна, легка,
Но только не знала людей языка.

Взросла перевозданной в газельих стадах,
Была очень ловкой, не ведала страх.
Ходила с онаграми на водопой
Проверенной и безопасной тропой.

В кустах тамариска уютный ночлег.
Там сны не тревожил табунный ей бег.
И плод питахайя, на сочности скуп,
Дарил свою мякоть для девичьих губ.

Газели, онагры, вараны и львы
Все знали её у прибрежной травы
Не трогал в Евфрате её крокодил
И остеодермами прятался в ил.

Богиня с ней клинопись стала учить
И по человечески вслух говорить,
Вести счет по звёздам, письмо на песке,
Сжав палочку правильно в правой руке.

Решила с людьми повстречать, чтоб затем
Отдали её в иерогамный гарем,
Где храмовой жрицы, когда подросла,
Освоила дева азы ремесла.

«Ты станешь кадишту», - шептала Иштар.
«Чтоб тело давало пылающий жар,
Всегда будь открытая солнцу, как длань,
Летящая и быстроногая лань.

Красу ты впитала с моим молоком.
И скоро мужчинам всем будешь вином.
Когда тебе минет положенный год
Отплатишь мне долг за газелий уход.»

«Я волю твою, госпожа Ануннит,
Услышу всегда, моё сердце не спит!
И каждую новую в небе зарю
С любви к Тебе красками я растворю!»

- Тебя повстречает пастуший обоз,
Что с пастбищ погнал в Вавилон горных коз.
Иди же, Игиги зарю стерегут
И помни, тебя Ардерика зовут.»

III

Дорогой Процессий везут её в Храм.
Грозят с барельефов мушруши врагам.
Открылись в столицу ворота Иштар.
При въезде раскинут торговый базар.

Заморские вина, заморская снедь
И в клетке огромный косматый медведь.
Здесь пальмы повсюду на крышах растут
Цветов аромат одуряющий тут.

Бредут караваны из дальних земель
И музыки их экзотической трель
Разносит по рынкам с торговлею звон
Монет, что стекаются все в Вавилон.

Здесь цокают кони по всем мостовым
Покрыт лазуритом дворец голубым.
А дальше гигантский стоит зиккурат.
Огни на вершине, как звезды, горят.

И тучные птицы туда не летят.
Людские потоки, как реки шумят.
В огромном скоплении праздных людей
Волнуются звери, как гривы коней.

Повсюду каналы, дома и дворцы,
Редумы, торговцы и даже жрецы.
Фаланги на марше и гром колесниц –
Защита и страж вавилонских границ.

Точёные трости, шарфы, бахрома
И пёстрая смешанная кутерьма.
Монеты звенят, с ними на перебой
Здесь спорят на рынке мошенник с ханжой.

Кругом ассирийцы толпятся гурьбой,
Пугают всех страшной своей бородой.
Шумерские культы, аккадский язык
И львов разъярённый доносится рык.

Повсюду скульптуры богов и царей.
От грохота, пыли, горячих камней
Устав, среди громадин высоких домов
Взгляд ищет прохладу речных берегов.

Находит, но видеть он это не рад,
Там вспенен от мутного зноя Евфрат,
Весь в панцире камня понуро зажат,
И волны его утомлённо дрожат.

Из глины гигантский воздвигнут был град
Здесь несколько тысячелетий назад.
Немало династий, уж минуло тут.
Их в прах обратилась власть царственных пут.

Божественной роскошью славен своей,
Триумфом великих и мудрых царей,
Подобен жемчужине среди пустынь,
Ворота для всех он богов и богинь.

Священного брака обитель торжеств,
Пристанище для аморейских божеств,
Святыниц и храмов любых колыбель
И центр торговли для разных земель.

На десять кварталов разбит Вавилон.
Укрыт за стенами высокими он.
Семь стен и семнадцать огромных ворот.
Великую крепость никто не возьмет.

Она уязвима лишь с русла реки,
Но ведают это одни старики.
Царя Хаммурапи законы все чтут.
По ним кредитуют и судятся тут.

В кварталах Эриду, Шуанне, Куллаб
С древнейших времен только трудится раб.
А вавилонянин богато одет
Идёт или в Храм, или зван на обед.

Любой умашенный елеем юнец
Себя подает в Вавилоне как жрец,
Желая попасть в твердь табличек из глины,
О нём чтоб писцами был выдавлен клин.

IV

В квартал Кадингирра ворота Иштар
Раскрылись, как губы для чувственных чар.
И в храм Эмашдари в честь Белет-Аккад
Находку пустыни ввели мима врат.

Предстала она перед храма жрецом,
Что наголо брит был в хитоне с кольцом.
Её, как рабыню, он всю осмотрел,
Остался доволен и повеселел.

И жрицам, которые в храме живут,
Отбросил дитя, как порожний сосуд.
- Её отдаю в попечение вам,
Чтоб чуждой возрастала блудливым грехам.

Когда расцветёт через несколько лет,
Сам царь её ласками будет согрет,
Мы в месяц Айару, четвёртого днём,
В верховные жрицы её возведём.

Он платит талантами нам серебра
За наши поставки такого добра.
Потом умертвят её в трапезный день,
Таков ритуал и полночная тень

Не ведает царских желаний границ -
Он каждый год новую хочет из жриц.
Пока же учите её ремеслу
Служения в храме, письму и числу.»

Так девочку на попечение в храм
Отдали прислуживать грозным богам.
Она подливала в кумирни елей
Полы подметала, стелила постель

Для брачного ложа созревших богинь,
Глядела в окно в лазуритную синь
Украшенных улиц, дворцов, мостовых,
Взлетая в мечтах над преградами их.

С собою манила саванная даль
И взгляд омрачала тоска и печаль.
Хотелось на волю. «Будь проклятый он
Гигантский ваш каменный склеп – Вавилон!

Внизу, мимо храма толпы беготня
В гордыне и чванстве жизнь день изо дня.
Довольны собою, надменны, хитры,
Мир дальше не знают своей конуры.

Трясутся и чахнут над собственностью,
А я на всё это из храма плюю! –
Так думала дева, входящая в цвет,
Пока вдруг в ночи не увидела свет.

Пастушьей Венерой спустилась в окно,
Укрыв своё тело в цветов полотно
Богиня Иштар и, любовь не тая,
Её обняла как родное дитя.

- Ну здравствуй, малютка, мой нежный цветок!
Вот Шамаш погнал солнца диск на восток.
Я здесь, чтоб смогла ты исполнить обет,
Какому без малого семь уже лет!

Ты выросла, стала красивее всех,
А знать, наше дело венчает успех.
Так вырвем же у скорпиона иглу -
Царя умертвим и отправим во мглу.

- О, Боги! – воскликнула дева. – За что?
Такое царю уготовано зло?
Я волю твою всю исполню, Иштар,
Но только скажи мне, он млад или стар?

Его умертвить за какие грехи
Должна я, неужто, деянья плохи
Царёвы настолько, что именно смерть
Смогла б усмирить лишь твою опрометь?»

- Однажды спустилась я к Эрешкигаль,
Добыть для людей их бессмертья скрижаль
В чертогах Иркаллы. Добавив огня,
Чтоб все Ануннаки познали меня

И мрак беспросветный чтоб прах охранял,
Намтар всю одежду тогда с меня снял.
Прошла я нагая сквозь семь чёрных врат,
А дальше уже начинался разврат.

Мне в первых воротах тиару с главы
Сорвали шумеро-аккадские львы.
Ламмасу иль шеду у нас их зовут,
Они сторожат Преисподней приют.

Вторые ворота – подвески с ушей
Там сторож снимает, угрюмой и злей.
На третьих вратах ожерелье долой,
Проходит богиня сквозь демонов строй.

В четвёртых воротах щиточки с грудей,
Забрав, обнажили их прелести ей.
А пояс рождений всех с чресел её
Срывает на пятых вратах вороньё.

Шестые ворота – запястья все с рук,
Седьмые – платочек стыда уберут.
Раздели Иштар, в каземат заточив,
Болезней всех рой на неё напустил.

Пока меня демонов сонм истязал,
Любить и плодиться весь мир перестал.
Встревожились боги и вспомнили ту,
Кого раньше славили за красоту.

А кто же спасёт меня, как не герой?!
Влюблённый и сильный храбрец молодой,
Соблазном моим уязвлённая плоть,
В желании, жаждая, зло побороть.

Кто этот красавчик и вечный пастух,
В котором прекрасны и тело, и дух,
Кто вечность всю пьян от супружеских уз,
Конечно, возлюбленный муж мой Таммуз.

Он вызвался к смерти, меня подменив,
Об этом в Уруке слагается миф
О Нового года традиции той –
Его возвращать на полгода домой

Из мрака подземного царства на свет,
Когда начинается лунный рассвет.
Таммуз иль шумерский пастух Думузи,
Способный в Стране без Возврата дерзить.

А царь этим юношей смог пренебречь,
Когда под него я должна была лечь,
Снимая сандалии с девичьих пят,
Чтоб он был моею любовью объят.

Но брачные игры, как в жертву быки,
Оскалом лишь сушат свои языки.
Любовника царь умертвил моего,
Чтоб мёртвое я лобызала чело.

В отместку за это я лунной порой
Вселилась в царицу идеей шальной
Измены, запретный попробовать плод.
Так чувственным ядом отравлена плоть.

К ней юный садовник был призван слугой.
Предстала пред ним абсолютно нагой
И поколебала устоев оплот.
Будь евнух, сгорел от желанья и тот.

Со вспышкой гнева, как Сарданапал,
Любовников царь воркованье застал.
И в ярости бешеной рвал и метал,
Срывая одежды, корёжа металл.

- Ты мне изменила с моим пастухом
Открыто, у всех на виду, не тайком!
Блудница, наказана будешь. Остынь!
В гарем заперта ионийских рабынь.»

В тюрьму заточил её, словно врага,
Хранительницу своего очага.
Но мне было мало её унижать,
Отмщение жаждала я продолжать.

И после, представ любодеицей, я
Его самого соблазнила, маня.
Я думала, будет любовь, как во сне,
Но он изнасиловал, словно нгеме.

Я низости той не простила ему!
Туники снимая пред ним бахрому,
Покоя лишит его жаждал мой грех,
Чтоб в страсти иссох, как гниющий орех.

Но этот садовник, Аккадский Саргон,
По милости нашей взошедший на трон,
Познав меня, бросил, как взятую брешь,
Совсем, как когда-то отверг Гильгамеш.

В природе моей шаловливая грань –
Межит наготу и одеждную ткань
Девице в мечтаньях мужчин возбуждать.
Чтоб нравиться им, всё готова отдать

За это любая из самок земных,
Не даром, поэт посвящает ей стих,
Не даром, художник на фоне холста
Натуру рисует, желаньем восстав.

Из всех покровительниц плотской любви,
Лишь я не скрываю влечения свои.
А мне же в награду лишь похоти срам,
Сочащийся в оргиастический храм.

Святая блудница, Билит - Бабилим!
К соитиям я подстрекаю любым,
Чтоб крыл бык корову, ослы на ослиц
Взбирались, а конь покрывал кобылиц.

А что есть такое вообще Вавилон?
Не город, не роскошь, не царство, не трон,
А древняя тайна из двух кратких слов.
В ней истины мудрость – ворота богов.

У девушки каждой есть храм между ног,
В том храме живёт созидающий бог.
Стремится к нему всякий ищущий муж.
И каждый юнец, будь он слаб или дюж,

Влагает в ворота томлений мечты.
И бог плодородия дарит плоды.
Врата к нему – город, укрытый в песке,
Влагалища – он на моём языке.

Смешение, думали вы, языков?
Смешение соков – ворота богов!
И тайна сия до скончаний времён -
В колодце том черпаем жизнь. Вавилон...

Царь в Азупирану, Саргон Шаррумкен,
Родился от жрицы не ясно зачем
И матерью в люльке был брошен в Евфрат
Плыть вдоль берегов тростниковых оград.

Пока не поймал его там водонос,
В семье у которого мальчик возрос,
Садовником стал Ур-Забабе служить
И местом у Киша царя дорожить.

А после... - Иштар прикусила губу,
- Не будем его ворошить мы судьбу.
Он должен пролить свою мерзкую кровь,
Коль смог обесчестить богини любовь!

Ты храмовой жрицею стала, Ардишь,
И в сердце Саргону кинжал мой вонзишь!
Весеннего ночь равноденствия ждёт
Для оргии весь вавилонский народ.

Они зачинают свободных детей
Раз в год, в череду этих праздничных дней.
Но прежде, увы, есть преграда в пути,
Обычай позорный придется пройти».

- А что за обычай, царица Аннит?
- Который невинности деву лишит...
- О Боги! – воскликнула жрица в сердцах
И тело красавицы обуял страх.

- Обычай есть древний у вавилонян.
На башне высокой воздвигнули храм.
В нём девы должны, не переча отцам,
За деньги отдаться приезжим купцам.

Идти на служенье богине Билит
Там девушке каждой, созрев, предстоит.
Любой чужестранец, бросая в подол
Монету, ложится с ней рядом на пол.

Монета та девушке как амулет –
Даёт право женщиной быть много лет.
Нельзя никому возвратиться домой,
Пока не исполнит священный долг свой.

В святилище, в Храме богини Любви
Сидят и смиряют желанья свои
Все юные женщины с древних времён,
За тем иноземцы спешат в Вавилон.

И самый красивый вершится обряд
На ложе священном, что скрыл зиккурат.
В одежде жреца под покровом ночным
Придёт туда царь за любовью хмельным

И жрицу из Храма в объятья сомкнёт.
С ней бог лишь ночует, в то верит народ.
На этом-то ложе Иштар он распял
И жаждою мести меня обуял.

Он вынудил силой отдаться ему.
Иштар не давалась вот так никому.
Отмсти за меня, золотое дитя,
И я над людьми возвеличу тебя!

Ты станешь царицею, сядешь на трон.
Склонится к ногам твоим весь Вавилон.
Сам Мардук в тебя будет пылко влюблён!
Поверь, что в любви избирателен он.

- Ты Этеменанки имеешь в виду?
Арахту сверкает пред ним на виду.
Но жриц в Эсагиле несметно число,
Блюдут в совершенстве своё ремесло.

Царю что за дело до девочки той,
Какая красива своей наготой?
Меня не заметит он в Храме Любви
И мне в Экагуле кончать свои дни.

- «Так плохо ты знаешь богиню Иштар
Ему не укрыться от глаз твоих чар.
Пойми, для того ты была рождена,
Чтоб застила взгляд его злой пелена.

Ступай и готовься на ранней луне
Ты будешь с кинжалом послушная мне.»
И к небу Венерой, как кровь к алтарю
Взметнулась богиня, пронзая зарю.

Всплакнула девица от участи той,
Что ей уготована будет судьбой.
До храмовой ночи в невинности ей
Осталось ходить лишь четырнадцать дней.

И взглядом она, устремляясь с мечтой,
За стены летит на простор золотой
Подальше от города крашенных плит
И роскоши, уж от которой тошнит.

V

И вновь с нею видится алчущий жрец,
Надевший по случаю пиршеств венец
- Возьми амулет сердоликовых бус
Иль жемчуг, что к нам доставляет индус.

Весь блеск ювелирной красы диадем
И золота блеск, что так нравится всем,
Не стоят и взгляда прекрасного глаз,
Какие меташь ты здесь в этот час.

Богиня, оставлю я жреческий сан!
Бежим как любовники в лоно к богам!
Я жертвую всем, потому что люблю,
Пустыню цветами тебе застелю!

-О, Боги! – воскликнула дева опять
К окну отстраняясь от рук его вспять.
И взгляд был решителен и отрешён,
В нём весь на закате горел Вавилон.

- Я выброшусь тотчас, поверь, из окна,
Коль в миг не останусь в покоях одна,
Похабное действие не сокрушу –
Богине – воительнице я служу!

А ну, убирайся, развратник же прочь!
Иначе мне будет последняя ночь!
- Ах так! Значит будешь ты заточена
Навек, никому здесь не станешь нужна!

Тебя замуруют в строительный хлам
В том месте, где царь пожелал строить храм.
И, хлопнув в ладоши, был жрец возмущен,
Ушел, укрываясь пурпурным плащом.

За ним затворилась кедровая дверь
И дева взглянула в замочную щель.
Приставил к покоям он страшных рабов,
Чей взгляд был безумен, свиреп и суров.

VI

Настал день верховных избрания жриц.
В священные саны главней, чем цариц.
И длинная свита царя и жрецов
Ходила меж храмами с ликом творцов.

Был в каждом квартале свой культовый храм
Любви с именами, открытой богам.
Храм Этуркаламма в Эриду стоит
И Этеменанки венчаем им вид.

В Шуанне есть храм Эшасурра и в нём
Богине Ишхаре культ служится днём.
Район Кадингирра, где царский дворец,
В нём храм Эмашдари, как божий венец.

Хранит Новый город Экитушгирзаль
И Эандасаа, в них знаний скрижаль.
А Бит-реш-акиту в Куллабе стоит,
Гульбой новогоднею он знаменит.

Касири иль округ таинственный Тэ,
Ворота Забабы, Анзуд на стене,
Там есть постаменты Игигов фигур
И храм в честь Нанайи, он Эмеурур.

А Кумар зовёт от Акуцских ворот
В свой храм Экадимму, в нём дева живёт,
Она, Гештинанна, кудесница сна,
С лозой виноградной богиня вина.

Святилище в Тубе Экитушгарза,
В нём Белет-Эанны, Иштар образа.
А в Баб—Лугальирра, где вольный Евфрат,
Эгишхуранкиа и стражей отряд.

В район безымянный ворота Адад
Влекут не жрецов в основном, а солдат –
Редумов, баирумов, за царский надел
Простой горожанин доспехи надел.

В сонм жриц, охраняет которых орёл,
Наш жрец Эмашдари Ардику привёл

Рабыни причёску поправили ей
И зеркальце дали, глядеть веселей.

Святылища важно обходит Саргон.
Царь ищет богиню на трон в Вавилон.
В запуганных или блудливых глазах
Он видит смиренность, покорность и страх.

Но вот, как газель от охотника прочь,
Сверкает в глазах темно-синяя ночь.
Царь видит богиню, как к равной себе,
Он к ней обращается в пылкой хвальбе.

«Богиня! Излучина чувственных нег!
Звезда, напоившая влагою рек.
Ты будешь избранницей Мардука здесь.
Мой город, ликуй и возрадуйся весь!»

Жрецы помолились, водой окропив,
Скрижаль подписали, печатью скрепив.
И жрицу Ардику со свитою слуг
В покой увели на вечерний досуг.

Готовят её, наряжают к венцу
С мольбой в почитании к богу-творцу,
Омыли и всю умастили в духах,
Невинность дрожит на вишнёвых губах.

Как куклу её облачают в наряд,
Роскошный, о нём все вокруг говорят.
Все шепчутся, в залы отходят конец.
У ней за спиной появляется жрец.

- Сегодня ты обворожила царя,
А завтра, красотка, ты будешь моя!
На теле, почувствовав, вкус моих губ,
Отдашься мне, буду с тобою не груб.

- Ты, жрец, не надейся, шепчи, не шепчи,
Во мне не отыщешь ты к сердцу ключи.
Я буду покорная только царю.
О браке священном Иштар я молю.

- Верховная жрица из Храма Любви
Обязанности выполняет свои.

Её сочетание с богом-царём
Ведёт жену бога священным путём

Не с ним, а с игигами на небосклон,
А царь возвращается в свой Вавилон.
У жрицы любви только временный сан –
Подменной богиней служить по часам.

А в храмах Мардука иной ритуал.
Там жрицам сам бог власть чиновничью дал,
Богатство, наделы земли и рабов.
Те храмы – для царской родни только кров.

Там нет и не будет случайных жрецов,
А только из знати богатых родов.
Наивен, кто думает - избранность там
И боги любого зовут служить в храм.

Ты думаешь, жрицу свезут во дворец?
Подменной богине настанет конец.
Её умерщвляют в Евфрата волне
И тайно хоронят на той стороне.

А я предлагаю спасенье тебе.
Бежим этой ночью при юной луне
Скорей за ворота в мой город Урук,
В нём старый правитель должник мне и друг.

Спасёт беглецов он от гнева царя.
Страшись его – это погибель твоя!»
Склонила главу молодая краса
Не лгали её увлажнённо глаза

- Погибель свою, слышишь, жрец, сознаю,
Но ночью священной в нём бога люблю
И жизнь я готова за это отдать
И, верно, за тем родила меня мать.»

-Да ты, идиотка, фанатка, змея!
Пойми, безразлична всем гибель твоя!
Лишь жрец изнывает у девственных ног,
Которые он бы любил и берёг».

Но дева сошла с пьедестала в альков,
Что был под защитой гепардов – самцов.

- Оставь меня жрец и скорей уходи!
Не видишь, невинность дрожит на груди.»

VII

Как только ушёл от неё звездочёт,
Зовёт она жриц, прочий бабий народ.
- Скорей, мои сёстры, откройте глаза!
Нас ждёт в этом храме лишь смерти гроза.

Спасайтесь от всех извращенцев-жрецов,
Их здесь похотливый табун жеребцов,
На пиршества мажут смирения мазь,
Ночами же алчут развратную связь.

В их сане и святости скрыт лицедей,
Кто есть не шумер, а всего лишь халдей.
Им тексты священные вверил Саргон,
Но в душах их зависть гноит Вавилон.

Когда-нибудь город они предадут
Проклятью забвений, возвращённые тут.
И город великий погрузится в прах,
С ним память о черноголовых отцах.

Бежим на простор золочённых саванн,
Где бродит свободный и гордый варан
И, пальмой до неба взметая свой нрав,
Гуляет пятнистый красавец-жираф.»

Ей плакальщица открывает в ответ
Историю жизни, как Ветхий Завет.
Рождённую где-то в эламских горах,
Её, как рабыню, пригнал сюда страх.

Попав во служение девственной в храм,
Склонила жреца она к юным ногам.
Хотел он оккультный обряд с ней свершить
И девственности незаконно лишить.

Но дева свои отстояла права
И в храме осталась навеки она.
Краса увядала и погран был нрав
И больше других не имела там прав.

Рыдала над жертвой, верша ритуал,
А рот искривлял стародевный оскал.

Но вот, как проруха иль бес под ребро,
Когда стало с кем ей и как, всё равно.

В крови её вдруг заиграла весна.
Из плакальщиц в жрицы спросилась она.
Но жрец был злопамятный прелюбодей,
Стремящий развратные помысли к ней.

Он снова склонять её стал на грехи,
Что дева отвергла, как сор шелухи.
Тогда расвирепствовал старый халдей
И плакальщицу, умастивши в елей,

Он садит с другими в смотрительный зал,
Чтоб лишь иностранец её сторговал.
И старый философ с эллинских земель
Её забирает с собою в постель.

- Приехал однажды в наш храм Геродот
И в тело моё впил беззубый свой рот.
Ужасный, плешивый, развратный старик,
Надевший по случаю местный парик.

Он всю меня тайнами ласк искушал
И храмовой жрицей в бреду называл,
А я раскрывалась, как роза, ему,
Отдав в разграбленье желаний тюрьму.

А он, как кентавр меня покрывал,
Сорвав с тела ткань шерстяных покрывал.
- Теперь ты считаешь, что жизнь удалась,
Раз всё ж состоялась с мужчиною связь?

- Не знаю, сомненья мои велики.
Вот матерью стать – это не пустяки,
А это..., конечно, занятная блажь,
Но лишь гедонизма обманнный мираж.

- Смотрю, нахваталась ты греческих слов...
- Какой был мужчина, такая любовь.
Как женщина я защищаю Иштар
За деторожденья родительский дар!»

Тут выступила из затравленных слуг
Седая старушка с морщинами рук.

- Любовь – нам для красного только словца.
Из зверя она состоит и ловца.

Есть страсть и соблазны, что разум всем жгут.
И люди всё это любовью зовут.
А есть благодарность традиций родов
За дружбу, за ласки, за чадо и кров.

Но в нашем чудовищном мире людей
Нет места наивности этих идей.
Профессию жрицы здесь с древности чтут
И самую древней помпезно зовут,

Как будто она исполняет мечты,
Несущая в мир идеал красоты.
Другие народы блудницей зовут
Наш, проклятый ими, божественный культ.

А мы придаём ритуалам размах,
Не ведая то, что падём с ними в прах.
Святые традиции прошлых эпох
Давно вырождаются с самых верхов.

Ни детство, ни женщины верность, ничто
Не свято среди золочёных тельцов.
Кичимся мы роскошью нашей, как жрец.
И лишь Вавилон – гордость наших сердец.

Брезгливы к соседним народам другим.
Удел – быть рабами, довольствуем им.
К земле атрофированы и к труду,
А это тот знак, что пророчит беду.

Нет будущего у народности той,
Какая не дружит с природной средой.
Замучили мы и в себе, и вокруг
Природу, дары потребляя из рук.

И всё ненасытны, всё мало нам их,
Готовы уже потреблять за троих.
Мы катимся в бездну, в мир вечного сна.
Соседние варварские племена

Нас чище, хотя не знаком им изыск.
А мы от изыска все пьяные вдрызг.

И тело своё растлеваем и дух,
Являясь приплодом таких повитух –

Безделья и неги, разврата и лжи.
Величия предков сдаём рубежи
Труда достижений и славы отцов,
Что город воздвигли такой средь песков.

В наш век весь изъеден он блудом, как тлёт.
Гниющий, бесплодный с умершей землёй,
Смертельной заразой он весь поражён,
Себя пожирающий сам, Вавилон.

VIII

Стал юноша в храме прислуживал им
Всем жрицам красивым и всем молодым.
Все строили глазки ему, лишь затем,
Что евнухом был, охранявшим гарем.

Ночами девицы, укрывшись платком,
К любовникам бегали в город тайком,
А он был хранителем тайн их земных
Безумных забав, приключений шальных.

Ардика, влюблённое корча чело,
Однажды сама полюбила его,
Невинною жертвой, упрямство смирив,
Открылась ему, сердца стук затаив.

Хоть был оскоплённый избранник её.
- Мой друг, охраняющий ложе моё,
Тебе не прочувствовать девичьих ласк,
Но в верной руке засверкает дамасск!

И вместе из храма ночью порой
Они убежали под полной луной,
От стражи укрылись в висячих садах.
Всё глаз не сводил с Ардерики Керах.

Не мог он смириться с природой своей,
В лишении радости чувственной всей
Он поздно трагедии суть разглядел,
Но выбрал отец ему в детстве удел,

Чтоб стать царедворцем в покоях царя
В чиновника чине иль секретаря,

Кастрировал в мальчишке пламя самца.
Кто скажет спасибо тем планам отца?

Он гладил ей руку и взглядом ласкал,
В ночи её трогал за грудь, целовал
И в благоуханье мидийских цветов
Всю ночь говорили они про любовь.

Ах, сколько уже среди знойных ночей
Звучало горячих и страстных речей
В тиши! Только полночь на башне пробьёт,
Лишь стражников слышно у дальних ворот.

- Уедем, Любимая, в Нимрут, скорей!
Тебя познакомлю там с мамой моей.
Она тебя в дочери примет, любя,
И будем счастливее день ото дня!

- Ах, Милый, с тобой на край света идти
Готова, не думая, я, о пути.
Но дай мне исполнить последний обет,
Какой обещала богине Айшет.

- Ты с ней расплатилась, Ардика, сполна,
За то тебе в храме монета дана.
Нет, не было в храме, я всё солгала
И буду царю как богиня дана.

Царь в жреческом сане, Аккадский Саргон,
Придёт меня в жёны взять не вооружен.
Вонзи ему в сердце вот этот кинжал,
Чтоб девушек больше он не обижал!»

Смиренный и робкий до этого он,
Раз был очень пылко в Ардику влюблён,
Спросил только, где раздобыла клинок.
- Мне боги его подарили, дружок.

- Нет, я не приму из твоих его рук.
Защита тебе он, надежней подруг.
Себе раздобуду я бронзовый меч,
В том будет залог наших будущих встреч.»

В другой раз гуляли они возле рва.
Она говорила такие слова,

А он молча слушал и тихо глядел
И свой проклинал оскропленный удел.

- Давай убежим в государство Элам.
Единственный там целомудрия Храм.
Я буду Верховною Жрицей при нём,
А ты станешь в том государстве царём.

Поможет нам в этом богиня Иштар.
Вводить на престолы возлюбленных в дар
Способна она лишь, богиня блудниц,
Царей превращая в любовников жриц.»

Навстречу попался им старый еврей,
Юродивый странник, пророк-фарисей.
- Подайте на хлеб, старику бы поесть,
Я дам в благодарность Благоую вам весть.

- У нас больше тысячи храмов, еврей,
Святыниц, молелен и всех алтарей,
А сколько священников – не перечесть
И каждый благоую несёт из них весть.

Старик обомлел неожиданно так
И стал вдруг глядеть как озлобленный враг.
Увидел он жрицы священный наряд
И сыпать проклятьями стал невпопад.

- Пади же во прах и останешься там,
Роскошная дева, ненужной богам!
Снимай свои юбки, работай, трудись,
Узнай, каково заработать на жизнь.

Мужчины, увидев твою наготу,
Тобой овладеют, им не вмоготу.
Никто тебе, дева, не сможет помочь.
Сиди и молчи, вавилонская дочь!

«Я буду желанной везде и всегда
Вдовой и бездетной – ни в жизнь, никогда!»,-
Ты всем обещала, блистая собой,
Лишая любви потерявших покой.

Беспечная, слушай, мужей и детей
Ты всех растеряешь по жизни своей.

Тебя не спасёт чародейство от бед.
Твои звездочёты пророчат лишь бред.

Пади и останься во прахе рабой,
Покинутой всеми с забытой судьбой!!
Так рвал и метал на лысеющем лбу
Старик, проклиная Ардику в гробу.

Она испугалась пророчеств таких,
Был весел когда-то, но смех её стих
И, в храм возвращаясь под ранней звездой,
Себя ощущать стала чёрной вдовой.

IX

В семье мушкенума идёт разговор
У сына с отцом. Мальчик пламенный взор
Впивает в родителя. Мудрый аскет
На праздники чаду пролить хочет свет.

- В чём суть ритуала эшшешу?
- Смотри,
Царь интронизацию должен пройти
И каждый год снова всходить на престол,
А жрец клинописный ведёт протокол.

Когда-то Нинурта, шумерский герой,
Всходил на престол и народ наш с тобой
Его почитал в смену лунных всех фаз
И в циклах планеты Венеры. Сейчас

Мы Мардука чтим, в Ниневии – Ашшур
Стоит во главе всех кумирных фигур.
В Борсиппе у Мардука Набу растёт,
Когда-то и Набу возвысит народ.

Об этом наш эпос «Экума элиш»
Красиво гласит, э, да ты уже спишь»
- Не сплю. Расскажи про Такульту отец,
Как бог Сарпаниту ведёт под венец,

Как в царских инсигниях плачет Мардук,
Зевоту скрывая, играет в испуг.
И водной ордалией сан подтверждён,
Так на год срок царский обрядом продлён.

- В нисан или айру, смотря в какой год,
Акиту весь ждёт вавилонский народ.
К обряду священного брака, сынок,
Всё брачное ложе готовится в срок.

Осыпав его лепестками цветов,
В нём весь декорируют внешний покров.
Обряд омовения жрицы... - он стих
- Ты видел его?
- Да, участвовал в них.

Тот брак, мира гибели он вопреки,
Вселяет надежду в две наши реки.
Тигр быстрый, Евфрат переносит свой ил
Замедленно, но жизнь на землю пролил.

Процессия плакальщиц всех и жрецов
Ведёт царя-бога в священный альков,
Где ждёт его юная дева-жена,
Богиня, красива и обнажена.

Царь должен богиню удовлетворить,
Готовую сутками бога любить.
В том смысл стране благоденствий на год,
Чтоб жил Вавилон без забот и хлопот.

Порочный, но всё же красивый обряд –
Творение жизни, он с древности свят.
А жизнь – это реки, что с давних времён,
Несут в своих водах свой шифр-геном.

Х

Ночь факельных шествий, рёв труб золотых
И девушек страстные танцы молодых.
Ликует торжественно праздный народ,
Встречая Акиту – богов Новый год.

Лишь брезжит рассвет и цепною волной
Уж город встречает гуляющих строй.
Дорогой Процессий поёт хор жрецов
Неся статуэтки шумерских богов:

Энлиля и Ану, Нинурты, Эа,
И Сина с Нингаль, что для всех госпожа,

Мардука и Набу, и нет им числа.
И тянут за ними обоз два вола.

Там блеют ягнята и птичий всполох
По клеткам ершится от жертвенных слов.
Шинкарки-трактирщицы, море вина,
Вся улица празднует, в доску пьяна.

Тамкары на гребне торговой волны.
И все сувенирные лавки полны.
Смотри, выбирай, край любого добра
И сыплются сикли кругом серебра.

Кумиры богов на любой кошелек,
Чтоб в доме стоял бы у каждого бог
Из глины и бронзы, да известняка,
Ливанского кедра, да из тростника,

Чтоб мог авилум меж предсонных минут
Поддерживать идола праведный культ,
Молиться и жертвы свои приносить,
А сам богатеть и шикарно здесь жить.

Колонны идут, воздавая хвалы.
Огромные статуи тянут волы.
На длинных телегах погонщиков гик
И в первой из них белый жертвенный бык,

Впряжён и мотает своей головой,
На вид, не доволен усердной хвалой
К богам. И жрецы призывают народ
Вливаться потоком в священный их ход,

Который стремится в ступенчатый храм
На башне высокой, подобной горам.
Летит в колеснице царь в горний чертог.
Сегодня не царь он, а истинный бог,

Одет в золотую тунику и шлем,
Оставил на ночь во дворце свой гарем,
Где ходят павлины и плещет фонтан,
На пальме крикливый сидит павиан,

Рабы с опахалом у трона вокруг
И семь леопардов, прикормленных с рук.

В тенистых покоях танцовщицы пляс
И дремлет тигрица, в цепи шевелясь.

А здесь, в полутёмные своды вступив,
Верховных жрецов видит царь супротив.
- О, люди! Возрадуйтесь! В храма чертог
Сошёл с колесницы сияющий бог! –

Кричит на всю площадь старейшина-жрец,
Царю надевая священный венец,
И шепчет на ухо ему тет-а-тет:
«Красавиц подобных не знал белый свет!

Мой царь, всё готово. Богиня вас ждёт,
Как год благоденствия целый народ.
Умаслите ныне богиню Иштар.
Она преподносит девицу вам в дар».

- Довольно! – его обрывает Саргон.
- Акиту пусть празднует мой Вавилон.
Гасите все факелы, свечи, огни,
С богиней мы здесь остаёмся одни...»

Ворота закрыты с последним лучом.
И в храме без свиты, как муж обручён
Он жрицу за руку на ложе ведёт.
И медленно время по капле течёт.

Мгновения слиты в единый порыв,
В котором эмоций готовится взрыв.
От близости скорой с такой красотой
Саргон возбуждённый и сам, как не свой.

А дева, волнуясь, сжимает клинок,
Укрытый плащом, и глядит на восток
С надеждой поддержки Венеры-звезды,
Но меркнет, на западе пряча следы,

Венера-обманщица, око Иштар.
Сознание ей помрачает угар
И жрицу знобит лихорадочно всю,
А царь уже шепчет ей близко: «Люблю!»

От страха девица закрыла глаза,
Но царь не успел ничего досказать,

Какой-то охотник за царским добром
Пронзил его сзади дамасским клинком.

Царь вскрикнул и рухнул на ложе любви,
Нарядность его заливая в крови.
- О, Боги! – в глазах у девицы лишь страх.
Убийцей царя был влюблённый Керах.

Склонились над трупом они, но мертвец
Тот переодетый всего лишь был жрец.
От ужаса воздух не могут вдохнуть,
А стража уж тычет им копьями в грудь

И злобной издёвкой кривится лицо
Царя, поднимавшегося на крыльцо.
- Паскудная девка! Блудница и тварь!
Давно уж со жрицей подменный спит царь.

Жреца Эмашдари убили вы здесь.
Любовь и убийство – гремучая смесь,
Что царского точит величия твердь.
Её в кандалы, а фанатику смерть.»

В ней вера в любовь надломилась в тот час.
Огонь из жаровни во взгляде угас
И все ощущались вокруг как враги,
Что к сердцу её направляли клинки.

Богиня, чтоб сердце её защитить,
В доспехи цинизма спешит облачить.
Изменой наполнила сердце Иштар
И ядом соблазна кокетливых чар.

Глядит Ардерика и скалит всем рот,
Хватаясь от смеха за впалый живот.
Глаза разливают безумия ярь.
Она прохрипела ему: - «Государь!

- Саргон Шаррумкен, царь, а где твоя дочь?
Я Энхедуанне хотела б помочь
Царицей была ведь она в Ташлутум
И автором гимнов, смущающих ум.

В ордалии лунной погибла она,
Теперь не любовница богу – жена!

Давно исклевал её тело Анзуд,
Чтоб больше не смело испытывать блуд.»

Саргон побледнел, изменился в лице
- Да как ты посмела сказать при отце?!
Ты будешь заклёвана стаями птиц!
Но после, сначала – в продажу девиц.

XI

Один молодой ассирийский купец
Влюбился в Ардику, позвав под венец.
Он с дядей привёл в Вавилон караван
И был от желания девственно пьян.

Взволнован ходил среди женских рядов,
А взгляд проникал под одежд их покров.
Но вот, как вечернюю в небе звезду,
Купец Ардерику увидел в углу.

И больше уж ни на кого не смотрел,
А только быть рядом лишь с нею хотел.
Купил и в объятьях лелеял своих.
И дева растаяла в нежности их,

Забыла о гневном отмщенье Иштар
И юноше всю отдала себя в дар.
Был страстный любовник тот юный купец.
В биенье едином сплетённых сердец.

- Жениться! – в восторге он дяде вскричал.
- Невесту я в Храме Любви повстречал.
- Безумец! Красивая девичья плоть
Не стоит того, чтоб горячку пороть.

Обдумай решенье, вернувшись в Ашшур.
А то ты, как лис, умыкающий кур,
В азарте охоты совсем возбуждён.
- Но, дядя! Я в девушку эту влюблён!

- Посмотрим, что скажут отец твой и мать,
Когда с ней пред ними захочешь предстать.
- Будь мой поручитель! С законом их мест
Мы купим её на продаже невест.

Глашатаи первой её позовут,
Поскольку она всех красивее тут.

На сумму немалую ты не скупись,
Ведь знай, в эту сделку мной вложена жизнь!

Не может купец себе места найти
На съёмной квартире и с видом реки.
А дядя поехал узнать во дворец
Как деву из храма купить под венец.

Вернулся тот поздно и взгляд был суров,
Племяннику дал объяснение без слов.
- Всё плохо? О, Боги! Я так всё и ждал, -
В отчаянье юноша громко вскричал.

- Придётся закончить на этом торги
И прочь убираться к причалу реки.
Мне царь разграбленьем грозил под конец,
А с ним ухмылялся Верховный их Жрец.

- Но, дядя, что делать?! Податься куда?
Домой не вернусь без неё никогда!»
Вдруг дядя сверкнул взглядом из под ресниц
- Я сам промышлял умыканьем девиц.

Похитим чертовку, какой с неё спрос.
К тебе только будет серьёзный вопрос.
Ты, правда, влюбился и сердце горит?
Ашшур эту кражу нам благословит.

И в приготовлениях к поступкам лихим,
Стелился с Евфрата когда белый дым,
Три всадника выехали со двора,
Когда начиналась ночная пора.

Три всадника в чёрном помчались в галоп
Племянник и дядя, и с ними холоп.
В бреду с наважденьем был юноша пьян,
Но в том похищенье старался быть рьян.

Не помня, как скоро вошли они в храм,
Как подкуп с угрозами дали рабам,
Из храма выводит её, как слугу,
Одетую в платье мужчин на бегу.

Вскочили они на коней вороных.
И шум за воротами только затих,

Девушка прильнула к нему, не шутя,
Узду у коня на скаку теребя.

- Послушай меня, дорогой Илушум!
И сделай всё так, как тебя попрошу.
Тебе обещаю, что буду твоя,
Но видеть мне вашего нужно царя!

- Зачем тебе нужен Ассирии царь?
К нему не попасть, как в болотную марь.
Ты хочешь убить его, словно шпион
И вести благие послать в Вавилон?

- О, нет, мой любимый, лишь местию горю.
Я войско на штурм Вавилона пошлю.
Царю подскажу уязвимую щель,
Куда он сумеет проникнуть, как шмель.

И град неприступный, что не покорён,
Падёт в этом натиске ваших племён.
Посмотрим, на это что скажет Саргон,
Когда ассирийцы войдут в Вавилон.

Девушку с конвоем встречает Ашшур
И после положенных в том процедур
Она предстает перед ликом царя,
Великого воина у алтаря.

- Что хочешь, беглянка, ты нам сообщить?
Тамкар очень знатный тебя полюбить...
Его в Ниневии прославленный род
И славит деяния предков народ.

- Я слышала раз в разговоре жрецов,
За городом озеро есть праотцов.
В него отведите вы старый Евфрат,
Который и сам Вавилону не рад.

- Но как мы сумеем рекой управлять?
- Для этого нужно каналы копать.
Сумейте, ведь вы же не все дураки
И в город войдёте по руслу реки.

У вас много в войске рабов и гетер.
Пустите на них разъярённых пантер,

Но лишь пригрозите, пантер усмирив.
И озеро вам превратится в залив.

А в русле с колено лишь будет воды.
Пройти незаметно – ночные труды.
Ворота сшибёте, охрану со стен
И всё! Забираете город весь в плен.

Пусть истиной станет проклятье ему,
Упавшему в прах, погружённый во тьму». Царю этот дерзкий понравился план
И он стал готовить его на нисан.

ХII

Жену молодую с рассветами лун
Ласкает неделю тамкар Илушум.
В хурритское имя её он нарёк
Эрешту, что есть по хурритски цветок.

- Эрешту, холодны объятья твои,
Хоть сладкие песни поёшь о любви.
- Двулика я, не понять меня вам.
Ассирия вся, Вавилон и Элам

Всегда постоянны, собою горды.
Как утренней свет и вечерней звезды,
Подобна Венере, изменчива я
И дорого стоит измена моя.

Служу я лишь только богине Иштар.
Ей в детстве еще отдала себя в дар.
Тоскую я, хоть и здесь нравится мне.
Страдает народ мой на грешной земле.

Двуречье и есть две ноги юных дам.
И край этот место любовным дарам.
Веками сюда привлекает мужчин
Безбрежная нега и чувственный сплин,

Чтоб вся кровь земли здесь смогла почернеть
И в будущем названа будет как нефть.
Пророчеств не хуже Исаяи и я
Могу раздавать здесь на службе царя.

Но я жить хочу на просторах саванн,
Какие души моей ждут караван.
Не верю я больше на свете в любовь
И уж никогда не поверю я вновь.

- Мы за руку вместе по жизни идём
И стала богиней ты в сердце моём.
А каждой богине постыдно не знать,
В богов нужно верить и их почитать.

А вера в любовь – это верность и есть.
В ней вся красота отношений и честь.
Язычница, прочь, улепётывай в пар!
Исчезни, блудница богиня Иштар.

Тебе открываю я чувства свои –
Лишь в верности только богиня Любви.
И жрица в Эрешту растаяла в дым,
В оставленный тенью ушла Бабилим.

А пред Илушумом осталась стоять,
Лишь скромная девушка, в будущем мать.
И нежно супруга она обняла,
В глазах её снова весна расцвела.

Назвали Эрешту в Ашшуре её
И с гордостью новое имя своё
Носила Ардика весь жизненный путь.
И ты, мой читатель, о ней не забудь.

Оглавление

	Стр.
1. Испанская поэма	3 - 32
2. Арбеяль	33 - 39
3. Лорелея	40 – 48
4. Вавилонская жрица	48 - 80